

АРХИТЕКТОР МИРОВ

Александра Ушакова

Александра Ушакова
Архитектор Мир

«Автор»

2026

Ушакова А. А.

Архитектор Мир / А. А. Ушакова — «Автор», 2026

Они называют себя Архитекторами. Их кузница — космос, а материал — сама материя. Милдра, талантливый инженер, строит миры для беженцев, забытых Державами. Но её мир — не отчёт. Она вкладывает в него душу. Старший Архитектор Мраг не прощает неподчинения: сломанная рука — лишь первый «аргумент». Когда над проектом нависает угроза коллапса, с проверкой прибывает инспектор Аррин — живое олицетворение холодной логики Держав. Он не судья и не палач. Он — система, которая исключает «лишние переменные». Столкновение ярости творца и математической чистоты расчёта перерастает в опасный союз. Чтобы спасти мир, им придётся заглянуть в тёмную тайну галактики и понять, что даже у Бездны есть своя песня. Это история о цене творчества, где главное оружие — не истина, а способность её услышать.

© Ушакова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1: Светотворец	8
Глава 2: Новая угроза	13
Глава 3: Совет на мостике	19
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александра Ушакова

Архитектор Миров

Пролог

Тишина в Бездне — понятие относительное, и всякий, кто провел в глубинных слоях космоса более ста циклов, знает эту истину на уровне костного мозга. Это не тишина пустоты, которую можно заполнить музыкой или голосами. Это гулкая, давящая, почти осязаемая тишь, где каждый звук, рожденный кораблем — будь то шепот вентиляционных шахт, мерный гул реакторов или скрежет манипуляторов — отдается эхом в вечности, многократно усиливаясь собственной значимостью. Звуки здесь не умирают, они превращаются в нечто большее: в свидетельство жизни посреди мертвого холода. Поэтому скрежет, доносившийся сквозь толщу бронесплава прямо в ее каюту, был не просто шумом. Это был крик металла, насилуемого чужой волей — низкий, вибрирующий стон, от которого начинали ныть заплombированные зубы, а в висках зарождалась тупая, пульсирующая боль.

Милдра проснулась мгновенно, как и полагается Архитектору Второго Круга — представителю той редкой касты, чье сознание годами тренировали для переключения между глубоким сном и полной боевой готовностью за доли секунды. Сон после двенадцатичасовой смены был тяжелым, свинцовым, липким — тем особенным сном абсолютного физического истощения, когда тело отключается быстрее, чем успевает осознать собственную усталость. Но адреналин, выброшенный в кровь перепуганным мозгом, выжег его остатки в долю секунды, оставив после себя лишь дрожь в кончиках пальцев и противный металлический привкус во рту.

Боль пришла следом — не острая, как можно было ожидать, а тупая, ноющая, пульсирующая в такт сердцу. Она зарождалась глубоко в правом предплечье, там, где биокерамический имплант соединился с живой костью, и растекалась по руке медленной, тягучей волной. Милдра инстинктивно сжала пальцы — и память накрыла ее с безжалостной ясностью, будто кто-то включил голографическую запись на полную громкость.

Вспышка ярости в холодных, немигающих глазах Старшего Мрага — глаза цвета старого льда, в которых никогда не отражалось ничего, кроме безграничной уверенности в собственной правоте. Резкое, отточенное движение, в котором не было ни капли эмоций — только расчет, только знание, что никто не посмеет дать сдачи. Удар, пришедшийся не по силовому щиту, как должно было случиться в честной тренировочной схватке, а по открытой перчатке, по незащищенному запястью. И тот самый, предательский хруст — звук, который она слышала уже дважды в своей жизни и каждый раз запоминала навсегда.

Милдра лежала, не открывая глаз, вслушиваясь в скрежет извне и тихий вой сирены в собственных костях. Каюта была аскетична, как и всё на корабле-ковчеге «Фордж» — этой плавучей стальной колыбели для целых миров. Ничего лишнего, ничего, что могло бы отвлечь Архитектора от работы. Только стойка с инструментами, аккуратно разложенными по захватам магнитной фиксации. Голографический проектор, на котором сейчас в режиме ожидания медленно вращались трехмерные схемы нового мира — синие линии тектонических плит, зеленые контуры будущих океанов, золотистые нити атмосферных течений. И небольшой обсидиановый камень, отполированный до зеркального блеска, — сувенир с первой, давно завершенной планеты, которую Архитекторы называли между собой «Праматерью». Мир, который они строили сейчас, даже имени собственного еще не имел. Лишь номер в бесконечном реестре Держав: Объект «Гея-7». Задворки цивилизации, последний форпост экспансии человечества в этой спирали рукава Ориона. Новый дом для отчаявшихся, проштрафившихся и просто тех,

кому не нашлось места в сияющих мирах Ядра, где небоскребы уходили в стратосферу, а океаны были терраформированы до полной стерильности.

Она села, отбросила рыжие, спутанные в бою пряди со лба — волосы, никогда не желавшие лежать ровно, всегда норовящие рассыпаться огненным водопадом, за что коллеги в шутку прозвали ее «огненной ведьмой». Разжала пальцы, заставляя себя смотреть на поврежденную руку спокойно, отстраненно, будто на чужую конечность. На смуглой коже, покрытой тонкой сетью старых шрамов и свежих микротрещин, от локтя до запястья расходилась паутина тончайших, светящихся изнутри линий — нервные окончания биокерамического импланта, отчаянно пытавшиеся восстановить утраченные связи. Трещина в кости, стабилизированная наномедиками, но не залеченная до конца. Заживать будет неделю, как минимум. А то и все десять циклов, если учесть, что полноценного регенерационного коктейля здесь, в пустоте, на краю обитаемого пространства, никто не хранил. Заменить биокерамику новым имплантом — тоже нечем: все ресурсы «Форджа» брошены на планету, на ее рождение, а не на капризы израненных Архитекторов.

— Черт, — тихо выдохнула она, и слово повисло в воздухе, смешавшись с далеким скрежетом и ровным гудением корабельных систем.

Ее ясные зеленые глаза — необычного болотного оттенка, с золотистыми крапинками вокруг зрачков, доставшимися в наследство от матери-терраформера с Венеры-Новой — обычно холодные и расчетливые, сейчас пылали немой яростью. Она смотрела сквозь руку, сквозь плоть и светящиеся трещины, словно пытаясь разглядеть в них отражение лица Мрага. Старший Архитектор Мраг. Камень преткновения, догматик в экзоскелете, который весил больше, чем она сама. Их спор перешел все границы — от технических расчетов плотности атмосферы и коэффициента альбедо к крикам о принципах, от принципов — к оскорблениям, а от оскорблений — к грубой, животной силе.

Неделя действительно была адской. Двенадцатичасовые смены, сменявшиеся четырехчасовыми тревожными снами. Они возводили ядра планет — не из камня и металла, как делали древние геоинженеры, а квантовым синтезом, сплетая материю из энергичного поля Бездны, вытягивая из вакуума протоны и нейтроны, чтобы сложить их в кристаллические решетки будущей коры. Они спаивали атмосферу плазменными дугами, температура в которых достигала миллиона градусов, закручивали реки в их будущие русла силовыми манипуляторами, способными сдвинуть с орбиты небольшой астероид. Они были богами-творцами, сварганными в стальной банке «Форджа», слугами Держав и последней надеждой для тех, кому некуда больше идти. И один из этих «богов» только что сломал ей руку. Не в честном поединке, не в спарринге, который можно было бы списать на случайность, а в угаре власти, в холодном, расчетливом унижении, показав, где ее, Милдры, место в иерархии.

Она встала, игнорируя пронзительную боль, которая тут же отозвалась в позвоночнике и заставила стиснуть зубы. На голограмме над проектором медленно, величаво вращался «Гей-7» — еще сырая, неотесанная масса магмы и первичных газов, ждущая души. Ее души. Души, которую Мраг пытался задавить, подмять под себя, лишить права голоса. Он считал ее методы рисковыми, «варварскими», недостойными высокого звания Архитектора. Она видела в его планах трусливую половинчатость, боязнь выйти за рамки предписанных инструкций — половинчатость, которая обрекает будущих колонистов на вечную борьбу с капризной, недоделанной природой, на постоянные техногенные катастрофы и медленное, мучительное вырождение.

Милдра провела неповрежденной левой рукой по длинному, давно зажившему шраму на ребрах — память о другой схватке, давней, когда она еще только претендовала на место в команде «Форджа». Тогда она выжила. Тогда она доказала свое право быть здесь, в этом стальном коконе, посреди пустоты, на глазах у всего Собрания Архитекторов. Доказала не словами, а делами, кровью и сломанными костями.

Трещина на правой руке пульсировала, напоминая о новой битве. Битве не за выживание — это было пройдено, — а за нечто большее. За право творить мир по своему разумению, а не по шаблонам Держав и предписаниям старших коллег. Мир не для отчетов и галочек в реестре, а для живых людей, которые придут сюда через десятилетия, чтобы строить дома, растить детей и однажды, быть может, забыть, что их предки когда-то жили где-то на другой планете, под другим солнцем.

Скрежет снаружи стих, сменившись ровным, утробным гудящим звуком плазменного спая — главный реактор «Форджа» менял режим работы. Работа продолжалась. Мир, еще безымянный, еще бездыханный, ждал своего часа. Ждал, пока его творцы перестанут выяснять отношения и начнут делать то, ради чего их сюда отправили.

Милдра выпрямилась, расправив плечи, и в ее взгляде не осталось ничего, кроме холодной, отточенной решимости. Гнев никуда не исчез — он ушел в глубину, превратился в сплав, более прочный, чем любой биокерамический имплант. Она знала: то, что Мраг сделал с ее рукой, — не просто травма. Это проверка. Проверка на прочность, на право называться Архитектором. И она эту проверку пройдет, как проходила все предыдущие.

— Хорошо, Мраг, — прошептала она в тишину каюты, и в голосе ее не было ни страха, ни даже злости — только ледяное спокойствие закаленной стали. — Поиграем в твои правила. Посмотрим, чей мир окажется прочнее.

Она потянулась к стойке с инструментами, выбирая нейроинтерфейсную перчатку для левой руки — теперь ей придется работать непривычной конечностью, учиться заново управлять системами, которые знала наизусть. Правая рука болела, но держала. Сжимала пальцы с силой, которой, казалось, уже не должно было остаться. Этого пока было достаточно. Чтобы держать. Чтобы строить. Чтобы сломать все, что встанет на пути ее творения.

А на пути, она это знала с ледяной, неумолимой ясностью, стоял целый мир. И он начинался прямо здесь, за стеною каюты, в ослепительном свете рождающихся звезд, в грохоте плазменных спаек, в бесконечных спорах о коэффициентах и векторах. Мир, который она не отдаст догматику в экзоскелете. Мир, который будет дышать, жить, меняться — и однажды, быть может, назовет своих создателей не богами, а просто людьми, сделавшими свое дело. Хорошо сделавшими.

Глава 1: Светотворец

Работа отвлекала, но не лечила — это Милдра знала слишком хорошо по прежним временам, когда шрамы затягивались быстрее, чем раны в душе. Она вглядывалась в голографические схемы, пытаясь найти в бесконечных столбцах цифр и силовых векторах опровержение доводов Мрага, доказательство того, что ее метод стабилизации тектонических плит не просто имеет право на существование, но и превосходит его консервативную, проверенную веками схему. Ее левая рука порхала над интерфейсом, внося микроправки, корректируя коэффициенты вязкости мантии, а правая лежала на столе, как чужая, мертвым грузом, туго затянутая в медицинский бандаж с наномодуляторами. Каждая пульсация света в трещинах, каждый микрон смещения импланта казались насмешкой: вот твои пределы, вот границы дозволенного, вот что бывает с теми, кто забывает свое место.

Тихий, почти нерешительный стук в гермодверь прервал ход мыслей — три коротких, едва слышных удара, которые могла произвести только рука, не желавшая тревожить, но вынужденная напомнить о себе.

— Можно? — Голос снаружи был мягким, знакомым до боли, до ощущения, что этот человек всегда был рядом, даже когда Милдра пыталась убедить себя в обратном.

На пороге стояла Лит. Миловидная, с круглым, добрым лицом, которое в Ядре назвали бы «провинциальным» и пропустили бы мимо при приеме на любую должность выше третьего ранга. Короткая серебристо-белая стрижка, вечно растрепанная, будто она только что встала с койки, и огромные голубые глаза, смотревшие на мир с таким искренним интересом, что иногда это казалось неуместным среди циничных, прожженных Архитекторов. Она казалась воплощением спокойствия, которого так не хватало на «Фордже» — спокойствия не напускного, не профессионального, а какого-то врожденного, идущего из самой глубины существа. Ее фигура, мягкая и полная, в стандартном комбинезоне Архитектора Данных, выглядела уютно и по-домашнему среди металлических переборок и мертвенного света аварийных ламп. В руках она держала две дымящиеся колбы с чем-то, отдаленно напоминающим кофе, — дымок над ними был густым, ароматным, насколько это вообще возможно для синтезированного из корабельных запасов суррогата.

— Можно? — переспросила Лит, чуть вытянув шею, и ее голубые глаза внимательно, с той мягкой настойчивостью, которая была свойственна только ей, скользнули по лицу Милдры, затем — по ее больной руке, укутанной в серый медицинский бандаж.

— Да, да, заходи, — Милдра взмахнула левой рукой, отключая проектор, и голограмма «Геи-7» погасла, оставив в каюте лишь тусклый свет аварийных ламп да теплый оранжевый отблеск от обсидианового камня на столе.

Лит шагнула внутрь, и каюта, всегда казавшаяся Милдре достаточно просторной, вдруг стала тесной — заполнилась ее присутствием, запахом синтезированного кофе и еще чем-то неуловимым, от чего на душе становилось чуть теплее. Она поставила одну колбу перед Милдрой, вторую оставила себе, и присела на край койки, обхватив свой напиток обеими руками — жест, который Милдра знала за ней много лет, жест, означавший, что разговор предстоит серьезный.

Пахло не кофе, а чем-то терпким, с примесью витаминных комплексов и стабилизаторов настроения — суррогат, но на краю света и он был благом. Милдра сделала глоток, обожглась и поморщилась, но тепло разлилось по пищеводу, согрело желудок, и боль в руке вдруг стала чуть менее острой, чуть более терпимой.

— Спасибо, — буркнула она, не глядя на Лит. Она знала, что сейчас последует. Разговоры о том, что надо беречь себя, что Мраг не стоит сломанных костей, что в конце концов

есть дисциплинарный комитет и жалобу можно подать. Но Лит, к ее удивлению, сказала совсем другое.

— Милдра, — голос ее звучал тихо, но в нем слышалась не привычная мягкость, а что-то новое, почти торжественное. — Пойдем на смотровую палубу. На внешний кольцевой балкон.

Милдра подняла бровь, отрывая взгляд от чашки. Смотровая палуба была местом, куда Архитекторы выбирались редко — слишком много работы, слишком мало времени на созерцание. К тому же внешний балкон, вынесенный за пределы силовых щитов, требовал специального допуска и скафандра. Идея казалась не просто странной, а почти безумной.

— Зачем? План по атмосферным ретрансляторам... — начала было Милдра, но Лит перебила ее, что было для нее крайне нехарактерно. Обычно тихая, уступчивая, она вдруг проявила несвойственную ей настойчивость.

— План подождет. — Ее голос стал тише, почти конспиративным, будто она боялась, что их подслушают. Она подалась вперед, и в голубых глазах зажглись искорки, которых Милдра не видела уже давно. — Сегодня. Сегодня запустят звезды. И солнце.

Милдра замерла, поднеся колбу к губам, так и не сделав глотка. Зеленые глаза расширились — в них отразилось сначала непонимание, потом изумление, потом что-то глубокое, почти благоговейное. В суете последних дней, в боли, гневе и бесконечных расчетах она напрочь забыла о графике работ. Синтез планетарного ядра был завершен три цикла назад, плазменные спаи атмосферы стабилизированы и выдерживали тестовые нагрузки. Теперь наступал момент, ради которого все они здесь — акт чистой, почти божественной магии, вершина ремесла Архитектора. Инициирование термоядерных реакций в недрах газовых шаров, которые они сами же и собрали на орбите из рассеянной материи и протоводорода. Зажигание небесных светил.

Сердце, еще минуту назад сжатое обидой и яростью, дрогнуло и сделало мощный, почти болезненный толчок. Это был главный момент. Пик работы Архитектора. Тот самый миг, ради которого они и летели в эту черную, холодную, враждебную Бездну, рискуя жизнями, ломая кости, теряя сон и покой.

— Мраг... — начала было Милдра, и в голосе ее послышались старые ноты горечи. Он будет там, на командном мостике, в центре событий. Будет отдавать последние команды. Будет принимать лавры, хотя большую часть расчетов по орбитальным параметрам звезд делала она, Милдра. Но Лит, словно прочитав ее мысли, покачала головой.

— Он будет на командном мостике. Принимать лавры, — повторила она, и в ее голосе не было обиды, только констатация факта, мягкая ирония, которую могла позволить себе только та, кто давно смирилась с несправедливостью иерархии. — А мы... мы будем смотреть. Оттуда. Просто смотреть.

Просто смотреть. Не как винтик системы, не как исполнитель, чья роль уже сыграна. А как созидатель. Как творец, взирающий на свое творение. Как мать, слышащая первый крик своего дитя.

Милдра медленно, глубоко выдохнула. Воздух в каюте показался вдруг спертый, тесным, недостаточным. Боль в руке вдруг отступила на второй план, превратилась в фон, в далекое эхо, в напоминание о цене, которую она платила за право быть здесь, видеть это, чувствовать это. Она отставила недопитый суррогат на стойку с инструментами, рядом с обсидиановым камнем, и поднялась, чувствуя, как колени мелко дрожат — то ли от слабости, то ли от волнения.

— Да, — сказала она, и голос ее прозвучал тверже, чем она ожидала. — Пойдем.

Смотровая палуба на внешнем кольце была почти пуста — как и предполагала Лит. Горстка инженеров-наблюдателей, тех, чья работа на сегодня была закончена или еще не началась, да пара уставших геологов, только что сменившихся с вахты, молча стояли у огромного, в три этажа высотой, бронированного иллюминатора из армированного алмазоида. За ним, за толстым слоем прозрачной брони, простиралась вечная, бархатная чернота Бездны — той

самой Бездны, которую человек millennia назад боялся, потом преодолел, потом заселил, но так и не перестал благоговеть перед ней.

И в этой черноте висела «Гея-7» — огромный, еще не остывший мрамор, оплавленный и шершавый, окутанный пеленой первичных газов, которые еще не успели развеяться после последнего этапа терраформирования. На ее поверхности, если присмотреться, уже можно было различить смутные очертания будущих материков — темные полосы базальта, застывшего там, где когда-нибудь поднимутся горы, и светлые пятна солей, которые станут дном будущих океанов.

А вокруг нее, словно бриллианты на черном бархате, замерли в идеальных точках Лагранжа двенадцать сфер — будущие звезды ее ночного неба, газовые гиганты, сжатые гравитационными манипуляторами до размеров, достаточных для запуска термоядерной реакции. И одна, главная, больше всех остальных вместе взятых, в центре будущей системы — зародыш солнца, колыбель жизни, двигатель всего, что будет происходить на этой планете в ближайшие миллиарды лет.

Милдра прислонилась лбом к прохладному, почти ледяному сплаву иллюминатора — алмазoid проводил тепло, и холод пробирался сквозь кожу, успокаивал, отрезвлял. Лит стояла рядом, их плечи почти соприкасались, и Милдра чувствовала ее тепло, ее спокойное дыхание, ее присутствие — молчаливое, надежное, как скала. Никто не говорил ни слова. Инженеры за их спинами тоже молчали, и эта тишина была иной, чем гулкая, давящая тишина Бездны. Это была тишина ожидания, тишина перед чудом.

Потом из репродукторов, вмонтированных в стены смотровой палубы, раздался спокойный, металлический голос вахтенного офицера, усиленный системой оповещения всего корабля:

— Внимание всему экипажу «Форджа». Запуск протокола «Светотворец». Обратный отсчет — шестьдесят секунд. Всем службам — режим тишины в эфире. Всем наблюдателям — занять места согласно инструкции.

Шестьдесят секунд. Милдра невольно задержала дыхание. Она чувствовала, как по гигантскому, многокилометровому корпусу «Форджа» пробежала едва уловимая дрожь — главные энергоизлучатели, расположенные в носовой части корабля, включались в режим полной мощности, перекачивая энергию из реакторов в излучатели. Дрожь была такой слабой, что ее мог уловить только тот, кто знал корабль так же хорошо, как свое тело, — но Милдра знала.

— Сорок секунд.

Лит коснулась ее локтя — легким, едва ощутимым прикосновением, и Милдра поняла, что сжимает здоровую руку в кулак так сильно, что ногти впиваются в ладонь. Она заставила себя разжать пальцы, выдохнула, вдохнула снова.

— Двадцать секунд.

В иллюминаторе ничего не менялось. Та же чернота, та же неостывшая планета, те же двенадцать сфер, замерших в ожидании. Но воздух на палубе стал плотнее, тяжелее — напряжение достигло предела. Кто-то из инженеров прошептал молитву на древнем, давно забытом языке. Кто-то просто закрыл глаза.

— Десять. Девять. Восемь.

Милдра открыла глаза широко, так широко, что заболело. Она хотела видеть. Видеть каждую деталь. Запомнить навсегда.

— Семь. Шесть. Пять.

Сердце билось где-то в горле, заглушая все остальные звуки. Правая рука пульсировала болью в такт каждому удару, но Милдра не чувствовала этого. Было только ожидание.

— Четыре. Три. Два.

— Один. Инициирование.

Сначала ничего не произошло.

Казалось, что тишина и темнота, эти извечные властители Бездны, навсегда поглотили их труд, высмеяли их попытку принести свет туда, где ему не место. Секунда тянулась вечностью, и Милдра уже начала сомневаться — неужели ошибка? Неужели просчет? Неужели все их годы работы, все жертвы, вся кровь и пот были напрасны?

Но потом...

Сначала вспыхнуло солнце.

Не ослепительной вспышкой, как в дешевых головизионных драмах, не мгновенным озарением, от которого слепнут глаза. Нет. Оно родилось медленно, почти неохотно, как дитя, не желающее покидать утробу. Сначала в центре будущей системы появилась крошечная, едва заметная алая точка — сгусток разогнанной до предела материи, в которой протоны и нейтроны сходились в бесконечном танце, пытаясь преодолеть последний барьер, отделяющий их от вечного горения.

Алая точка пульсировала, росла, набирала массу и температуру, и цвет ее менялся — от глубокого, почти вишневого красного к раскаленному оранжевому, от оранжевого к ослепительно-золотому, от золотого к белому, чистому, сияющему, такому яркому, что алмазоидный иллюминатор включил автоматическую фильтрацию, защищая сетчатку наблюдателей.

Свет, живой и яростный, ударил в иллюминатор, залил смотровую палубу теплым, золотистым сиянием, которого так не хватало в стальных, прожекторно-белых коридорах корабля. На лицах замерших людей заплясали золотые блики, и они вдруг перестали быть уставшими, измотанными Архитекторами и инженерами — они стали свидетелями чуда, и в глазах каждого отражалось одно и то же: изумление, благоговение, гордость.

А потом, одна за другой, как по команде невидимого дирижера, как ноты в грандиозной симфонии, вспыхнули звезды.

Двенадцать чистых, холодных, бриллиантовых искр загорелись на черном бархате, двенадцать маленьких солнц, каждое со своим характером, своим цветом, своей судьбой. Одно отливало голубизной — горячее, молодое, нетерпеливое. Другое — мягким, теплым желтым, почти как родное солнце человечества, затерянное где-то в глубинах галактики. Третье было красным, медленным, старым, хотя все они родились только что, в эту самую секунду. Они не затмевали солнце — они дополняли его, создавая хоровод, карту, узор. Создавая небо.

Кто-то из инженеров — Милдра не видела кто, да и не важно это было — сдержанно выдохнул: «Черт возьми...». Голос его дрожал. Кто-то просто заплакал, не стыдясь слез, и по щекам текли дорожки, сверкавшие в свете нового солнца. Лит стояла рядом, молчаливая, и Милдра чувствовала, как вздрагивают ее плечи — то ли от холода, то ли от волнения.

Милдра стояла, не в силах оторваться от иллюминатора, не в силах закрыть глаза, не в силах даже моргнуть. Она смотрела на рождение светил. Смотрела на свое солнце — то самое, которое она рассчитывала, чью массу, спектральный класс, срок жизни, положение в системе она знала с точностью до третьего знака. Смотрела и не узнавала. Потому что цифры и графики — это одно. А это — совсем другое. Это — жизнь.

Трещина в ее правой руке, подсвеченная изнутри наномедиками, вдруг перестала быть шрамом от поражения, символом унижения, нанесенного Мрагом. В этом новом, сотворенном свете, в этом золотом сиянии, льющемся из Бездны, она стала похожа на карту далеких созвездий, на частичку той самой вселенной, что они только что зажгли. На напоминание о том, что творение всегда требует жертв. И что она, Милдра, заплатила свою цену.

Лит тихо тронула ее локоть — теплое, живое прикосновение вернуло ее из глубины созерцания.

— Видишь? — прошептала Лит, и голос ее был тихим, почти неслышным, но в этой тишине смотровой палубы он прозвучал как колокол. — А ты говорила, что не за что бороться.

Милдра не ответила сразу. Она продолжала смотреть на свет, отраженный в ее зеленых глазах, на свет, который теперь будет гореть миллиарды лет, задолго после того, как она сама, и

Мраг, и «Фордж», и даже Державы обратятся в прах. Гнев никуда не делся — он был слишком глубок, чтобы исчезнуть просто так. Но он переплавился, изменил свою природу, стал холоднее, тверже, острее. И целеустремленнее. Мраг мог сломать ей руку. Мог унижить ее перед коллегами, мог отстранить от самых интересных проектов, мог делать все, что позволяла ему его должность Старшего Архитектора.

Но он не мог отнять это. Этот свет. Это солнце. Эту звезду, которая только что зажглась в черноте Бездны. Никто не мог. Никакая власть, никакой догматизм, никакая грубая сила не могли погасить то, что однажды зажглось.

Она построила солнце. А значит, могла построить и все остальное. И отстоять это. Перед кем угодно. С любой ценой.

— Пойдем, — наконец сказала Милдра, отрываясь от иллюминатора. В голосе ее не было сомнений — только спокойная, твердая уверенность человека, который знает, что делать дальше. — Пора работать. Теперь, когда есть свет, нужно строить тени. Леса, горы, реки. Жизнь.

Она повернулась и пошла прочь от света, обратно в стальные недра «Форджа», в свои расчеты, в свои споры с Мрагом, в свою боль и свою борьбу. Но теперь у нее за спиной горело солнце. Ее солнце. И этого было достаточно, чтобы идти дальше. Достаточно, чтобы выдержать любые испытания. Достаточно, чтобы строить мир — настоящий, живой, дышащий мир, который однажды, быть может, назовут ее именем.

А может, и не назовут. Какая разница? Главное — он будет. Будет гореть, как эти звезды. Будет жить. И в этом была ее победа, которую не мог отнять никто.

Глава 2: Новая угроза

Они шли по длинному центральному тоннелю «Форджа», прозванному «Хребтом», — этой главной артерии корабля, протянувшейся от носовых отсеков до кормовых двигателей почти на три километра. «Хребет» был тем местом, где сталкивались все уровни корабельной иерархии: здесь можно было встретить и самого капитана, шествующего в сопровождении адъютантов, и рядового техника, спешащего на аварийный ремонт, и Архитектора в полном рабочем облачении, и просто уставшего грузчика, толкающего перед собой антигравитационную платформу с контейнерами. Под ногами чуть заметно вибрировали плиты из армированного композита, передавая ритм гигантских двигателей и силовых сердечников, которые где-то глубоко в недрах «Форджа» перемальвали саму материю в энергию для рождения миров. Мимо сновали техники в грязных комбинезонах, грузовые платформы плыли в обе стороны, создавая привычное, почти гипнотическое ощущение вечного, бесцельного движения — движения, которое было целью само по себе, потому что остановка на «Фордже» означала смерть.

Но над этим утилитарным хаосом теперь витало, как тонкий, едва уловимый аромат, новое чувство — призрачное, но уже неистребимое ощущение свершившегося чуда. Люди переговаривались тише обычного, и в их голосах, в обрывках фраз, в коротких взглядах, которыми они обменивались на ходу, сквозило что-то, чего Милдра не замечала уже много месяцев. Кто-то сказал «красиво», кто-то — «я такого никогда не видел», а один пожилой геолог, известный своим цинизмом и полным отсутствием сентиментальности, стоял у иллюминатора технической шахты, не в силах оторвать взгляд от далеких огней, и в его глазах блестели непролитые слезы.

Милдра шла, чуть выпрямив спину, будто неся на плечах невидимый груз — не усталость, а ответственность. Она искоса посмотрела на Лит, которая, казалось, пыталась раствориться в тени от очередного трубопровода, стать незаметной, не привлекать внимания. Это была старая привычка — привычка человека, который слишком долго был подчиненным, слишком долго слышал, что его место — в тени, слишком долго верил, что скромность и труд сами по себе приведут к признанию.

— Лит, а ведь эти звезды, — Милдра кивнула в сторону, будто сквозь переборки могла видеть новорожденное созвездие, и голос ее был негромким, но в нем звучала та особенная интонация, которая заставляла людей слушать. — Этот чистый спектр, эта стабильность горения, этот баланс, который позволит звездам гореть не тысячу лет, а миллиард... это твоя заслуга. Ты неделю высчитывала баланс изотопов для стабильного горения, ты провела тридцать семь итераций моделирования, ты не спала четверо суток, когда система охлаждения основного реактора дала сбой и все данные могли уйти в шум. А Старший Данных хоть раз твое имя в отчете упомянул? Нет. Сам с докладом к капитану пошел, пока ты на третьей смене сидела, глаз не смыкая. Сам подписал все расчеты, сам принял лавры, сам получил благодарность в бортовой журнал.

Лит покраснела так, будто на нее направили плазменный резак с минимальной мощностью. Ее щеки, обычно бледные, залил яркий, теплый румянец, контрастирующий с серебром коротких волос, и этот румянец спустился на шею, до самого ворота комбинезона. Она отвела взгляд, устала себе под ноги, на бесконечную ленту «Хребта», и ее пальцы, сжимавшие колбу с остывшим уже суррогатом, побелели.

— Я... я подмастерье Архитектора Данных, — пробормотала она, и голос ее был тихим, почти неслышным в гуле коридора. — Мне положено много работать. Это... путь. Так все проходит.

— Путь к тому, чтобы тобой всю дорогу вытирали ноги? — отрезала Милдра, но беззлобно, скорее с горькой усмешкой, в которой смешались и усталость, и сочувствие, и некото-

рая доля той самой ярости, что все еще клокотала где-то в глубине ее сознания. Она видела в Литинной скромности не слабость, как могли бы подумать посторонние, а несправедливость, которая ранила ее почти так же, как собственный конфликт с Мрагом. Лит была талантлива — талантлива настолько, что при любом другом раскладе, в любом другом месте, в любой другой команде она давно уже была бы ведущим специалистом, а не молчаливым подмастерьем, чьи заслуги присваивают начальники.

— Милдра, — Лит понизила голос до шепота, бросая опасливый взгляд на двух проходящих мимо плазменных сварщиков, которые тащили за собой тяжелую катушку с высокотемпературным кабелем. — Пожалуйста. Сегодня... веди себя тише. Твой мастер... Старший Мраг. Он в бешенстве. После запуска был на связи с командованием Держав, и с ним говорили... не очень лестно. Про твои последние корректировки плана терраформирования кто-то проболтался. Я не знаю, кто, но он в ярости. Он ищет, к чему придраться. Он уже запросил полный лог твоих вычислений за последние два цикла.

Милдра только фыркнула, резким, дерзким звуком, который заставил Литину бровь дернуться в тревоге, а один из проходивших мимо техников обернулся на мгновение, но, встретив ее холодный, зеленый взгляд, поспешил отвернуться и ускорить шаг.

— Пф. Естественно, я права, а он нет. Вот и бесится. Его план — это детская копия из учебника для юных колонизаторов, первая глава, параграф третий, «Стандартные методы терраформирования планет земного типа». Он даже не потрудился учесть локальные аномалии. «Гея-7» — не идеальный шарик в вакууме, не та сферическая лошадь, на которой его учили скакать в академии. У нее аномалии в гравитационном поле, остаточные следы темной материи в мантии, и ни один стандартный протокол не предусматривает, как с этим работать. Игнорировать это — все равно что строить дом на зыбучих песках и удивляться, когда он рухнет на головы колонистов. Через сто, двести, пятьсот лет — но рухнет. А мы здесь не для того, чтобы строить одноразовые миры.

Она невольно сжала больную руку, и по трещинам пробежала яркая, болезненная вспышка — сигнал от нервных окончаний, которые никак не могли адаптироваться к смещенному импланту. Боль пронзила локоть, отозвалась в плече, на мгновение затуманила зрение, но Милдра даже не дрогнула. Она научилась не показывать боль задолго до того, как ступила на борт «Форджа». Вместо этого в ее зеленых глазах зажегся тот самый вызов, тот огонь, который заставил ее когда-то выбрать Бездну вместо уютной, предсказуемой, безопасной карьеры в Ядре, где она могла бы стать кем угодно — ведущим инженером, руководителем проекта, даже членом Совета Держав, если бы захотела. Но она выбрала здесь. Выбрала строить миры своими руками, а не чертить их на голографических схемах, сидя в стерильном офисе с видом на искусственный океан.

— Он может беситься сколько угодно, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в голосе ее прозвучала сталь. Она уже не обращалась к Лите — она обращалась к самому Мрагу, к стали переборки, к системам наблюдения, которые наверняка фиксировали каждое ее слово, ко всей этой неповоротливой, тяжеловесной машине власти, которая пыталась задавить ее своим авторитетом и регламентами. — Он может сломать мне вторую руку. Может отстранить меня от работы, засадить в карцер, выкинуть из команды на ближайшей станции. Но цифры не сломаешь. Физику не обманешь. Гравитационные аномалии никуда не денутся, если сделать вид, что их нет. Темная материя в мантии не испарится, если не вносить ее в отчеты. И мой мир — тот мир, который я строю, с правильными тектоническими плитами, с устойчивой атмосферой, с океанами, которые не выкипят через тысячу лет, — он будет стоять. Даже если меня здесь не будет.

Лит вздохнула, и в этом вздохе было столько усталой, многолетней привязанности и безнадёжной, отчаянной тревоги, что Милдра на мгновение смягчилась. Она знала этот вздох.

Лит вздыхала так всегда, когда понимала, что спорить бесполезно, что Милдра все равно сделает по-своему, и оставалось только надеяться, что на этот раз все обойдется.

Милдра хлопнула подругу по плечу здоровой левой рукой — легким, почти дружеским жестом, который был для нее редкой уступкой нежности.

— Не кисни. И не красней как газовый гигант при первичном розжиге. Твой черед еще придет. Ты слишком хороший специалист, чтобы всю жизнь быть подмастерьем. Просто... дай им время. Или не давай. В конце концов, мы здесь не для того, чтобы ждать милостей от начальства. Мы здесь, чтобы строить миры. А миры, Лит, строят те, кто умеет их строить, а не те, кто лучше всех пишет отчеты.

Они подошли к гермодвери, ведущей в отсек мостика и кают старших офицеров. Дверь была массивной, бронированной, с системой биометрического допуска, и на ней, как предупреждение, висела табличка: «Доступ ограничен. Только по служебной необходимости». Милдра остановилась на секунду, посмотрела на свои отражения в полированной стали двери — два силуэта, одна высокая, рыжая, с прямой спиной и сжатыми кулаками, другая ниже, серебряная, ссутулившаяся, как будто пытающаяся занять как можно меньше места в этом мире.

— А сейчас... — Милдра перевела дыхание, и в ее голосе появилась та самая спокойная, ледяная решимость, которая была страшнее любой истерики. — Сейчас я пойду и буду вести себя... как сочту нужным. А ты принеси мне потом отчет по геологии. Настоящий, а не тот, что Мрагу подсунули. Мне нужны реальные цифры по плотности мантии, по распределению аномалий, по остаточным гравитационным возмущениям. Все, что есть. И сделай копию для себя. На всякий случай.

Она толкнула дверь, и тяжелые створки со скрежетом, похожим на вздох древнего зверя, разъехались в стороны, выпуская наружу поток более теплого, густого воздуха, пропитанного запахом озонованного металла, синтетической смазки и того особого, ни с чем не сравнимого аромата, который возникает только там, где работают люди, принимающие решения. Изнутри доносился тихий, напряженный гул голосов — негромких, но настойчивых, с частыми паузами, когда кто-то кого-то перебивает или, наоборот, замирает в ожидании ответа.

Порог мостика. Арена.

Лит осталась снаружи, еще раз беспомощно покраснев, открыла рот, чтобы сказать что-то — предостеречь, остановить, попросить быть осторожнее, — но не сказала ничего. Она знала: Милдру нельзя было остановить. Не тогда, когда ее глаза горели этим холодным зеленым огнем. Не тогда, когда она распрямляла плечи и шла вперед, будто на таран. Лит только прижала к груди остывшую колбу, в которой давно уже не осталось ни тепла, ни аромата, и тихо, едва слышно прошептала в закрывающуюся дверь:

— Будь осторожна...

Но Милдра уже не слышала. Она шагнула внутрь, на мостик «Форджа», и створки гермодвери сомкнулись за ее спиной, отсекая Лит от того мира, в который ее подруга сейчас входила — одна, безоружная, со сломанной рукой и сердцем, полным ярости. И Лит осталась стоять в коридоре, среди вечного движения «Хребта», чувствуя, как где-то глубоко в груди зарождается холодный, липкий страх. Страх не за себя. За нее.

Мостик «Форджа» был сердцем корабля — огромное, полукруглое помещение, разделенное на несколько уровней, с панорамными экранами вместо стен, на которых сейчас транслировался вид на новорожденную систему. В центре, на возвышении, находилось командное кресло капитана, пустующее в данный момент — капитан Корелли предпочитал находиться в рубке управления во время критических фаз терраформирования, оставляя мостик для оперативных групп. Вокруг, на нижних ярусах, располагались рабочие станции: навигация, энергетика, связь, и, конечно, сектор Архитекторов — два десятка голографических проекторов, аналитических панелей и кресел с нейроинтерфейсами, где сейчас сидели четверо специалистов, вглядываясь в потоки данных, стекающиеся с планеты и новорожденных звезд.

Милдра вошла тихо, но ее появление заметили все. Такое невозможно было скрыть — слишком многие ждали этого момента. Она прошла через весь мостик, не глядя по сторонам, ее шаги были ровными, уверенными, правая рука в бандаже висела вдоль тела, левая — свободно, готовая к любому движению. Она чувствовала на себе взгляды: любопытство, тревогу, злорадство, сочувствие. Все это было ей знакомо.

Мраг стоял у главной голографической карты «Геи-7», в окружении двух младших Архитекторов, которые смотрели на него с подобострастным вниманием. Он был крупным мужчиной, массивным даже без экзоскелета, с тяжелой челюстью и глубоко посаженными глазами, которые сейчас, когда Милдра вошла, сузились в щелочки. Его руки, обтянутые перчатками управления, лежали на краю голопанели, и пальцы его медленно, ритмично постукивали по поверхности — жест, который Милдра знала очень хорошо. Это был жест ожидания. Жест хищника, который выбрал жертву и ждал только подходящего момента, чтобы нанести удар.

— Архитектор Милдра, — голос Мрага был ровным, без интонаций, но в этой ровности было что-то более страшное, чем крик. — Вы выглядите... лучше, чем я ожидал. Как ваша рука?

Комплимент, обернутый насмешкой. Вопрос, который не требовал ответа. Провокация. Милдра остановилась в нескольких шагах от голопанели, не приближаясь, не делая лишних движений. Она посмотрела на него прямо, не отводя взгляда, и на лице ее не дрогнул ни один мускул.

— Функционирует, — сказала она коротко. — Достаточно для работы.

— Для работы? — Мраг поднял бровь, и в этом движении было столько наигранного удивления, что даже стоящие рядом Архитекторы отвели глаза. — Вы уверены? Мне доложили, что вы вносили корректировки в план терраформирования без моего согласия. За моей спиной. Это так?

Тишина на мостике стала плотной, почти осязаемой. Все, кто мог, замерли, не оборачиваясь, но ловя каждое слово. Милдра чувствовала, как напряжение растет, как воздух становится тяжелым, как где-то в груди снова начинает пульсировать боль, но голос ее оставался спокойным, ровным, почти безразличным.

— Я вносила корректировки в свою часть работы, — ответила она. — В пределах своей компетенции. Как и положено Архитектору Второго Круга. Если вы считаете, что я превысила полномочия, можете подать рапорт капитану. Я предоставлю свои расчеты. И ваши, для сравнения.

Мраг медленно выпрямился, и его фигура, и без того крупная, стала казаться еще больше. Он сделал шаг к Милдре, и она заметила, как его пальцы сжались в кулаки — там, где их не было видно остальным.

— Мои расчеты, — повторил он, и в голосе его впервые проступило что-то живое, что-то горячее, почти яростное. — Мои расчеты прошли проверку Держав. Мои расчеты — это стандарт, которому следуют уже триста лет. А ваши... ваши — это самодетельность. Это риск, на который я не пойду. На который не пойдет капитан. На который не пойдут Державы. Вы, Милдра, — не единственный Архитектор, который когда-либо пытался быть умнее системы. И все они... — он сделал паузу, и его губы растянулись в улыбке, которая не была улыбкой, — все они закончили плохо.

Милдра не отступила. Она стояла на месте, глядя на него снизу вверх, и в ее зеленых глазах, отражавших свет новых звезд, не было страха.

— Система, — сказала она тихо, но так, что каждое слово было слышно в каждом углу мостика, — система создавалась для идеальных условий. «Гея-7» — не идеальна. И если вы будете следовать стандарту, не глядя на реальность, то лет через двести колонисты будут умирать от тектонических катастроф, которых можно было избежать. Это не риск, Старший Архи-

тектор. Это гарантия. Мои расчеты — это не самодеятельность. Это единственный способ сделать этот мир пригодным для жизни на срок, превышающий человеческую память.

Мраг шагнул к ней, сокращая расстояние, и теперь они стояли почти вплотную. Он смотрел на нее сверху вниз, и в его глазах, в этой близости, в напряженных мышцах было что-то от того самого движения, которое сломало ее руку.

— Вы, — сказал он, и голос его стал тихим, почти ласковым, от чего по спине Милдры пробежал холод, — вы, Архитектор Второго Круга, забываете свое место. Вы — исполнитель. Вы — инструмент. Инструменты не рассуждают. Инструменты не корректируют. Инструменты делают то, что им говорят. И если инструмент ломается... его заменяют.

Он протянул руку, чтобы коснуться ее больного предплечья — не ударить, нет, просто коснуться, просто напомнить, просто показать, кто здесь хозяин. Но Милдра, не думая, отшатнулась, и в этом движении, в этом инстинктивном жесте защиты было больше правды, чем в любых словах. Она прижала больную руку к груди, и в глазах ее мелькнуло то, что Мраг, возможно, принял за страх.

Но это был не страх. Это была ярость. Ярость, сдержанная стальной волей, превращенная в холодный, острый лед.

— Заменяют, — повторила она, и в голосе ее не было ни капли эмоций. — Может быть. Но не раньше, чем я закончу то, что начала. Мир будет построен по моим расчетам. Или он не будет построен вообще. Выбирайте, Старший Архитектор. Выбирайте, что вам важнее: ваша власть или жизнь тех, кто придет сюда после нас.

Тишина на мостике стала абсолютной. Даже гул систем, казалось, замер, наблюдая за этой дуэлью. Мраг смотрел на Милдру долгих десять секунд, и в его взгляде смешивались гнев, удивление и что-то еще, что Милдра не могла определить.

— Вы самоуверенны, — наконец сказал он, и в голосе его прозвучало что-то, отдаленно напоминающее уважение. Или, может быть, ей только показалось. — Я доложу капитану. О ваших корректировках. О вашем поведении. О вашей... самодеятельности. А вы, Архитектор Милдра, — он повернулся к ней спиной, давая понять, что разговор окончен, — вы будете ждать решения. В своей каюте. До особого распоряжения.

Милдра стояла, глядя на его широкую спину, на экзоскелет, тускло поблескивающий в свете голографических карт, на сжатые кулаки, которые так и не разжались. Она могла бы сказать еще что-то. Могла бы напомнить, что без нее, без ее расчетов, без ее понимания аномалий «Геи-7» стандартные протоколы приведут к катастрофе. Могла бы кричать, требовать, угрожать. Но она не стала. Она развернулась и пошла к выходу, чувствуя на себе взгляды всего мостика — любопытные, испуганные, восхищенные.

У самой двери она остановилась на мгновение и, не оборачиваясь, сказала тихо, но так, что каждое слово упало в тишину, как камень в воду:

— Мир не ждет, Старший Архитектор. И ваши решения не остановят его рождение. Он уже родился. И он будет таким, каким я его задумала. Даже если меня здесь не будет.

Дверь открылась, выпуская ее в коридор, и створки снова сомкнулись, отсекая мостик, отсекая Мрага, отсекая весь этот мир власти и интриг, который был не больше, чем рябью на поверхности настоящего, великого дела — рождения нового мира.

Лит не ушла. Она стояла у двери, прижавшись спиной к холодной стене, и в ее глазах, когда Милдра вышла, было столько вопросов, столько тревоги, столько невысказанного, что Милдра, несмотря на всю свою усталость, на всю свою боль, на всю свою ярость, не смогла не остановиться.

— Ну что? — прошептала Лит, и голос ее дрожал.

Милдра посмотрела на нее, на это круглое, доброе лицо, на эти огромные голубые глаза, и вдруг, впервые за весь этот долгий, тяжелый день, улыбнулась. Улыбка была кривой, усталой, но в ней было что-то настоящее, что-то живое.

— А то, — сказала она. — Он меня отстранил. До особого распоряжения. Так что теперь у меня есть свободное время. Много свободного времени. И мне понадобится твоя помощь, Лит. Твоя помощь и твой отчет по геологии. Потому что, пока они будут решать, что со мной делать, я хочу быть уверена, что мой мир будет построен правильно. Даже если строить его придется... окольными путями.

Лит посмотрела на нее, и в ее глазах мелькнуло что-то — страх? восхищение? безумие? — а потом она кивнула, коротко, решительно, и сказала:

— Я помогу.

И они пошли вместе по длинному, бесконечному «Хребту», две Архитектора — одна со сломанной рукой и сердцем, полным ярости, другая с серебряными волосами и тихой, нестигаемой верностью. А за их спинами горели звезды, которые они зажгли. И эти звезды, холодные и далекие, свидетельствовали: борьба только начиналась.

Глава 3: Совет на мостике

Мостик «Форджа» не походил на уютные каюты или шумные инженерные палубы, где жизнь била ключом в облаках пара и искрах плазменных сварщиков. Это был храм функциональности и власти — место, где принимались решения, от которых зависели судьбы миров. Полумрак, нарушаемый лишь холодным сиянием голографических панелей и мерцанием десятков экранов, создавал атмосферу сосредоточенной отрешенности, будто само пространство здесь было пропитано тяжестью ответственности. Воздух, стерильно чистый, пропущенный через многоступенчатую систему фильтрации, пах озоном и тихим гулом высоковольтных систем — запахом энергии, взятой под контроль. В центре, как паук в стальной паутине, располагался капитанский пульт, массивное кресло с нейроинтерфейсом и десятками сенсорных панелей, но сейчас он был пуст. Капитан Корелли, по слухам, находился в лазарете — возраст и перегрузки давали о себе знать, — и власть временно перешла к архитекторам, точнее, к тому из них, кто сумел ее удержать.

Их было пятеро, стоящих полукругом у главного проекционного столба, на котором медленно, величаво вращалась «Гей-7» — уже не сырая масса магмы и газов, а формирующийся мир, окруженный сиянием новорожденного солнца. Голограмма была огромной, в три метра диаметром, и в ее голубовато-золотистом свете лица архитекторов казались бледными, почти призрачными.

Мраг, Старший Архитектор, монолит в форме человека. Широкий, тяжелый, с лицом, высеченным из гранита вечного недовольства, он занимал собой пространство так, будто каждый кубометр воздуха на мостике принадлежал ему по праву. Его экзоскелет, тускло-серый, с интегрированными системами жизнеобеспечения и усиления, делал его еще более массивным, превращая в статую древнего бога войны. Его взгляд, холодный и оценивающий, был тяжелее свинца, и всякий, кто попадал под этот взгляд, невольно сжимался, чувствуя себя насекомым под увеличительным стеклом.

Данных — тот самый руководитель Лит, чье имя Милдра упоминала с такой горечью. Сухопарый, с острыми, будто обточенными ветрами чертами лица и привычкой шуриться, словно постоянно вчитывался в невидимый мелкий шрифт. Его глаза, блекло-голубые, бегали по голограммам, по лицам коллег, по показаниям приборов, ни на чем не задерживаясь надолго. Руки, вечно сложенные за спиной, потирали друг о друга нервным, автоматическим жестом, выбивавшим дробь, которую слышал только он сам. Данных был мастером своего дела — никто не спорил, — но мастером, который давно уже ставил карьеру выше истины, а угождение начальству — выше профессиональной честности.

Лут, биолог — хрупкая, казалось бы, женщина с седыми, убранными в тугой узел волосами и внимательными, добрыми глазами, которые, однако, видели не красоту жизни, а ее цепочки ДНК, биохимические циклы и уязвимости. Она была старше всех на этом мостике, возможно, старше даже капитана, и ее седина была не столько возрастом, сколько отметиной десятилетий, проведенных в Бездне, среди рождающихся и умирающих миров. Лут никогда не повышала голоса, никогда не вступала в споры, но ее заключения по биосовместимости, по рискам генетических мутаций, по устойчивости пищевых цепочек были законом, который не оспаривал даже Мраг.

Фриф, геолог и специалист по тектонике — коренастый, с руками землекопа, покрытыми сетью мелких шрамов от работы с породой, и вечной легкой ухмылкой на лице, будто знал какую-то грязную тайну о каждой планете, которую они терраформировали. Его лицо, обветренное и грубое, редко выражало что-то, кроме скептического любопытства, но те, кто работал с Фрифом достаточно долго, знали: за этой ухмылкой скрывается один из самых острых умов

на «Фордже». Он чувствовал планету — не как набор цифр и графиков, а как живое тело, со своим пульсом, своими слабыми местами, своим характером.

Стал, главный технический специалист — ходячая энциклопедия механизмов «Форджа», лысый, с татуировкой схемы квантового двигателя на предплечье и спокойным, не меняющимся выражением лица, которое, казалось, было выточено из того же металла, что и корпус корабля. Стал говорил редко и только по делу, его голос был ровным, без интонаций, и коллеги шутили, что он сам — часть корабельных систем, просто с допуском на мостик. Но за этой внешней бесстрастностью скрывалась преданность «Форджу» и его миссии, преданность, которую ни разу не поколебали ни опасности Бездны, ни интриги начальства.

Милдра вошла тихо — так, как входят в храм, где каждое лишнее движение кощунственно. Она заняла место на периферии полукруга, рядом со Сталом, который лишь слегка кивнул, не отрываясь от показателей на своем планшете. Это был жест признания, почти дружеский по здешним меркам, и Милдра оценила его. Она чувствовала, как тяжелый взгляд Мрага мгновенно нашел ее, прилип к ней, словно пытаясь прожечь броню равнодушия, за которой она прятала боль, усталость и ярость. Но она не отвела глаз. Она смотрела на вращающуюся «Гею-7», на свое солнце, и в этом взгляде было больше силы, чем в любом протесте.

— Дорогие коллеги и сотрудники поддержки, — начал Мраг, и его голос, низкий, раскатистый, не терпящий возражений, заполнил все пространство мостика, заставив даже воздух сгуститься. — Запуск основных светил прошел в рамках допустимых параметров.

Он сделал небольшую паузу — драматическую, рассчитанную, — давая понять всем присутствующим, что «в рамках» — это не «блестяще», это минимальное требование, и что лично он ожидал большего. Его глаза скользнули по Данным, который под этим взглядом невольно выпрямился, будто школьник, вызванный к доске. Данные открыл было рот, чтобы что-то сказать — оправдаться, объяснить, — но Мраг уже перевел взгляд дальше.

— Однако теперь наступает самый ответственный этап — формирование биосферы и окончательная стабилизация литосферы. — Он обвел всех тяжелым взглядом, задержавшись на Лите, потом на Фриффе, потом снова на Милдре. — Мы должны работать как единый механизм. Без самодеятельности.

Тут взгляд Мрага, словно шип, вонзился в Милдру, и он добавил, растягивая слова, чтобы каждое падало отдельным, тяжелым камнем:

— И без оспаривания утвержденных протоколов, какими бы «гениальными» они ни казались отдельным выскочкам.

Милдра не дрогнула. Она просто смотрела на него в ответ, ее зеленые глаза были спокойны и прозрачны, как лед на глубине, под которым течет холодное, темное течение. В этой тишине, повисшей над голографической картой, стоял немой поединок. Он излучал давление авторитета, власть должности, многолетнюю привычку к подчинению. Она — непоколебимую уверенность в своей правоте, подкрепленную расчетами, знанием, опытом, купленным кровью и сломанными костями. Ничего хорошего это не предвещало. Фрифф, стоявший чуть поодаль, едва заметно усмехнулся и опустил глаза к своим данным. Лут вздохнула — тихо, почти неслышно, но в этом вздохе была долгая, усталая мудрость человека, который видел такие поединки не раз и знал, чем они обычно кончаются.

Мраг первым отвел взгляд. Это было поражение — микроскопическое, почти незаметное для постороннего, но все пятеро на мостике его зафиксировали. Старший Архитектор не добился от Милдры ни страха, ни смирения, и это бесило его больше, чем любое открытое неповиновение. Он повернулся к голограмме, словно ища опору в цифрах и линиях, и продолжил, и в его голосе появились новые, металлические нотки — не гнев, нет, гнев был бы слишком человеческим, слишком слабым. Это была угроза, облеченная в форму официального уведомления.

— В течение этой недели, — произнес он, и каждое слово падало в тишину, как гирька на весы правосудия, — к нам присоединится Старший специалист запуска из Центральной Инспекции Держав.

На мостике повисло напряженное молчание. Оно было таким плотным, таким тяжелым, что, казалось, его можно было потрогать руками. Даже невозмутимый Стал перестал листать данные на своем планшете и поднял голову, впервые за все совещание проявив живой интерес. «Старший специалист запуска» — эти три слова были не просто обозначением должности. Это был код, пароль, за которым стояла целая вселенная власти, контроля и беспощадной бюрократической машины. Это была не помощь, не консультация, не обмен опытом. Это был высший надзор. Прокурор, судья и палач в одном лице, присланный Державами, чтобы оценить, не слишком ли дорого обходится их казне рождение очередного мира.

Милдра знала об Инспекции не понаслышке. Еще на заре карьеры, на своей первой планете, она видела, как приезд инспектора перевернул жизнь целого проекта. Люди, отдавшие года жизни терраформированию, в одно мгновение становились никем — их отчеты отвергались, их решения отменялись, их карьеры рушились под тяжестью одной-единственной подписи. А те, кто умел угождать, кто вовремя подставлял плечо, кто не спорил с протоколами, — они взлетали, занимая места, которых не заслуживали ни умом, ни талантом. Вердикт инспектора мог вознести проект в ранг образцовых или похоронить его навсегда. Мог отправить Архитекторов в почетную отставку с пожизненной пенсией — или на исправительные рудники окраинных систем, где срок измерялся не годами, а тоннами добытой руды.

— Будьте готовы в любой момент к правкам, проверкам и самым детальным, я бы сказал, пристрастным запросам по вашим зонам ответственности, — закончил Мраг, и его голос звучал теперь почти сладко, почти отечески. Но глаза его оставались холодными.

Он снова посмотрел на Милдру — долгим, тяжелым взглядом, в котором теперь читалось не только предупреждение, но и мрачное, предвкушающее удовольствие. Вот твой шанс, выскокка. Попробуй доказать свою правоту высшему инспектору. Попробуй объяснить свои «аномалии» и «темную материю» человеку, который видит только цифры в отчетах и отчеты в папках. Посмотрим, как запоют твои расчеты под давлением системы, которая не прощает тех, кто умничает.

Совещание распалось так же тихо, как и началось. Архитекторы разошлись, каждый погруженный в свои тревожные мысли. Данных вышел первым, чуть ли не бегом, его руки за спиной потирались с удвоенной скоростью. Лут задержалась на секунду, бросив на Милдру быстрый, оценивающий взгляд, и в этом взгляде было что-то — не сочувствие, нет, Лут не сочувствовала, — а скорее профессиональное любопытство биолога, наблюдающего за развитием непредсказуемого штамма. Фриф, проходя мимо, хлопнул Милдру по здоровому плечу своей тяжелой, мозолистой ладонью и шепнул: «Держись, рыжая. Может, и не сожрут». Стал просто кивнул, поднимая свой планшет, и вышел, бесшумный, как тень.

Милдра задержалась. Она подошла к проекционному столбу, делая вид, что изучает данные о температуре на полюсах «Геи-7», о скорости вращения ядра, о градиентах давления в атмосфере. Но на самом деле она ждала. Она знала, что Мраг не уйдет. Не сейчас. Не после того, как она посмела выдержать его взгляд, не опустив глаз.

Она чувствовала его присутствие — тяжелое, холодное, как масса экзоскелета, в который он был заключен. Он ждал, когда мостик опустеет, когда за последним техником закроется дверь, когда они останутся вдвоем в этом храме власти, где голоса не записываются, а слова имеют вес, многократно превышающий их буквальное значение.

Он медленно подошел, и каждый его шаг отдавался в палубе глухим, тяжелым звуком. Он остановился так близко, что Милдра чувствовала исходящий от него холод — не физический, а тот особый, внутренний холод, который излучают люди, привыкшие не чувствовать, а только

рассчитывать. От экзоскелета пахло смазкой и озоном, и этот запах смешивался с запахом его одеколona — резкого, химического, предназначенного не для того, чтобы нравиться, а чтобы обозначать границы личного пространства.

— Твои аномалии, твои «нюансы темной материи», — прошипел он, и голос его был так тих, что слова были едва слышны даже ей, хотя их лица разделяло не больше метра. — О них теперь узнает Инспектор.

Он сделал паузу, давая ей возможность осознать всю глубину пропасти, на краю которой она стоит. В этой паузе было больше угрозы, чем в любых словах.

— И если он сочтет их плодом твоей паникерской фантазии или, что хуже, саботажа ради самоутверждения...

Он не договорил. Не потому, что не мог подобрать слов — Мраг всегда находил слова. Он не договорил, потому что смысл висел в воздухе, тяжелее и опаснее любой прямой угрозы расправы. Саботаж. Это слово в устах Старшего Архитектора, переданное Инспектору, становилось приговором. Не просто увольнением, не отстранением, а клеймом, которое закрывает перед ней двери всех проектов Держав, всех команд, всех миров. И, возможно, не только перед ней.

— Вылечи руку, Архитектор Второго Круга, — сказал Мраг, и в его голосе вдруг проступило что-то почти человеческое — насмешка, перемешанная с чем-то, что можно было принять за усталость, если не знать его. — Она тебе еще понадобится. Чтобы писать объяснительные. Или прощальные письма.

Он развернулся — тяжелый, монументальный разворот, достойный древнего военачальника, покидающего поле битвы, — и зашагал прочь. Его шаги гулко отдавались в полу, удаляясь, становясь тише, пока не растворились в общем гуле корабельных систем.

Милдра осталась одна в холодном сиянии голограмм. Проекционный столб продолжал вращать «Гею-7», и новорожденное солнце, которое она помогла зажечь, отражалось в ее глазах золотистыми бликами. Она сжала больную руку — неосознанно, инстинктивно, словно проверяя, что боль еще здесь, что все это реально. Трещины ответили тупой, ядовитой пульсацией, и на секунду Милдре показалось, что она чувствует, как наномедики внутри импланта бессильно пытаются соединить то, что было разорвано грубой силой.

Но на ее лице, вместо страха, вместо отчаяния, вместо той паники, на которую, вероятно, рассчитывал Мраг, застыла та же ледяная, негибкая решимость. Страх был — она чувствовала его где-то глубоко, в том месте, где человек слаб и уязвим, где живут сомнения и воспоминания о прошлых поражениях. Но она не позволяла ему подняться на поверхность. Она научилась этому искусству давно, на своей первой планете, когда поняла, что в Бездне страх — это роскошь, которую никто не может себе позволить.

Инспектор? Отлично. Пусть приезжает. Пусть смотрит. Пусть копается в ее расчетах, пусть проверяет каждую цифру, каждый вектор, каждый коэффициент. Она не боялась проверки. Она боялась только одного: что ее правда не успеет спасти мир, который уже начал жить.

Она покажет Инспектору не просто цифры. Цифры можно подделать, подогнать, истолковать в пользу любой точки зрения. Она покажет ему небо — небо, которое зажглось по ее

расчетам, небо, которое будет гореть миллиарды лет. Она покажет ему будущий мир — с его аномалиями, с его темной материей, с его сложным, непредсказуемым характером. И докажет, что правда — не в догмах, вызубренных в академии, не в протоколах, составленных для идеальных условий, которых не существует в природе. Правда — в смелости увидеть реальность такой, какая она есть, и сделать ее лучше.

Она повернулась и вышла с мостика, оставив «Гею-7» вращаться в одиночестве. В коридоре было темно и тесно после просторного, светящегося полумрака командного центра, и воздух здесь пах иначе — не озоном и властью, а потом, металлом и той особой, ни с чем не сравнимой вонью, которую оставляют после себя тысячи людей, живущих в замкнутом пространстве. Но Милдра почти не замечала этого. Она шла быстро, чеканя шаг, и в ее голове уже рождался план.

Битва только начиналась, и ставки в ней выросли до небес. До самых новорожденных, ее звезд. И она не собиралась проигрывать. Не сейчас. Не тогда, когда мир, который она строила, уже открыл глаза и увидел свет.

Глава 4: Инспектор

Неделя вынужденного бездействия, на которую ее отправил корабельный медик — сутулый, вечно недовольный мужчина с руками, пахнущими антисептиком, и взглядом, не терпящим возражений, — была для Милдры пыткой. Медик, бегло осмотрев ее руку, покачал головой, нахмурился и выдал вердикт тоном, не оставляющим места для дискуссий: «Больным нет места в работе». Он даже не взглянул на ее возражения, не слушал доводов о том, что ее расчеты критически важны на этом этапе, что без ее контроля тектонические коррекции могут уйти в разнос. Он просто развернул ее к выходу и захлопнул дверь лазарета, оставив Милдру в коридоре с ощущением, что ее заживо похоронили.

Лежать в каюте, слушать, как за стеной бьется пульс стройки — этот ровный, утробный гул плазменных спаек, вибрацию гравитационных манипуляторов, далекие, приглушенные переговоры диспетчеров, — и знать, что каждый час без ее контроля — это потенциальная ошибка, заложенная в фундамент мира, было выше ее сил. Она не могла просто лежать и ждать, когда кости срастутся, а Мраг тем временем будет продавливать свои половинчатые, опасные решения. Не могла сидеть сложа руки, зная, что где-то там, на «Гее-7», силовые поля формируют русла будущих рек, а она не может проверить, не ушел ли угол наклона литосферных плит за пределы допустимого.

Но Милдра не лежала. Она работала.

Ее каюта, прежде аскетичная и пустая, превратилась в штаб — тесный, заставленный, хаотичный, но работающий с той особенной, почти болезненной эффективностью, которая рождается из одержимости. Голографические схемы «Геи-7» висели в воздухе повсюду, перекрывая друг друга, создавая причудливые наложения одного слоя реальности на другой. Тектоника напознала на атмосферу, атмосфера смешивалась с океанографией, океанография — с гравиметрическими картами аномалий. Все это пространство было опутано паутиной ее заметок — рукописных, наспех набросанных на полях виртуальных чертежей, потому что печатать сломанной рукой было больно, а левая еще не научилась работать с интерфейсом с той же скоростью.

Красные пометки там, где стандартные протоколы Мрага давали сбой. Зеленые — там, где ее корректировки выправляли ситуацию. Желтые — зоны неопределенности, риски, кото-

рые можно минимизировать, но нельзя устранить полностью. И поверх всего этого — цифры. Бесконечные столбцы цифр, которые складывались, умножались, интегрировались, сходились в уравнениях с пугающей, неумолимой точностью. Ее схема, ее план — не просто альтернативный вариант. Они были правильными. Элегантными в своей сложности, как сложны законы физики, которые она пыталась обмануть, чтобы подарить людям дом. Жизнеспособными — в отличие от упрощенной, учебной модели Мрага, которая держалась только на бумаге, только в отчетах, только в воображении тех, кто никогда не видел, как рождаются миры на самом деле.

В ее расчетах учитывался каждый гравитационный гул, каждый сдвиг в магнитном поле, каждый призрачный след темной материи, оставшийся в мантии «Геи-7» после ее формирования из протопланетного облака. Мраг предпочитал игнорировать эти аномалии, называя их «шумом» и «допустимой погрешностью». Для Милдры они были голосами — голосами мира, который еще не родился, но уже пытался сказать своим творцам, каким он хочет быть. И она слушала. Слушала и строила мир, который хотел жить, а не просто существовать.

В понедельник утром, когда она уже собиралась штурмовать кабинет медика с требованием выписать ее — или хотя бы снять этот дурацкий бандаж, который мешал работать, — «Фордж» содрогнулся от иного, чем обычно, толчка. Милдра замерла, прислушиваясь. Это был не грубый удар стыковочного крюка, от которого всегда вздрагивали переборки и звенела посуда в столовой. Не привычная вибрация грузового шаттла, перемалывающего воздух своими двигателями. Это было мягкое, почти бесшумное сцепление — объятие, а не удар. Звук высшего качества, технологий, недоступных их рабочей «коробке болтов», как называли «Фордж» техники в минуты откровенности.

Милдра отключила голограммы, и каюта погрузилась в полумрак, нарушаемый лишь тусклым светом аварийных ламп и мерцанием обсидианового камня на столе. Она натянула комбинезон, поправила бандаж на правой руке, провела левой ладонью по спутанным рыжим волосам, пытаясь придать им хоть какой-то вид. Не потому, что ей было важно, как она выглядит перед инспектором. А потому, что внешний вид — это оружие. И она не собиралась встречать врага растрепанной и сломленной.

Главный док «Форджа» был огромным помещением — ангаром, способным вместить три грузовых шаттла одновременно. Сейчас он казался тесным из-за толпы, собравшейся у шлюзового отсека. Здесь были любопытные техники, оторванные от своих плазменных горелок на пару минут, чтобы поглазеть на важную персону. Врачующие на ходу старшие офицеры, которые чувствовали, как их авторитет утекает сквозь пальцы с каждым метром, который инспектор проходит по коридорам их корабля. Архитекторы в полном облачении, демонстрирующем их ранг и статус. И в центре этой толпы, как айсберг среди кипящего моря, — Мраг, чье лицо, высеченное из гранита, сейчас пыталось изобразить нечто, отдаленно напоминающее радушие. Получалось плохо.

Милдра встала в дальнем углу, прислонившись спиной к холодной стене дока, и ждала. Она не хотела быть в первых рядах. Не хотела, чтобы инспектор обратил на нее внимание. Не сейчас. Сначала нужно понять, кто он, что за человек скрывается за титулом «Старшего специалиста запуска», что им движет — карьера, любопытство, принципы или простое желание поставить галочку в отчете и вернуться в уютное Ядро, где воздух пахнет цветами, а не озоном и потом.

И он висел в воздухе за бронестеклом шлюза: «Раст».

Корабль-призрак.

Милдра видела такие только в учебных голограммах да в редких новостных сводках с дальних рубежей экспансии. Литой, гладкий, без единого выступа, шва или опознавательного знака — даже регистрационный номер, обязательный для любого судна Держав, отсутствовал. Он не отражал свет, а поглощал его, и казалось, что в шлюзовом отсеке висит не корабль, а

кусок самой Бездны, вырезанный по контуру и застывший в ожидании. Обводы «Раста» были текучими, хищными, как у глубоководной рыбы, привыкшей к темноте и давлению. Давно ходили слухи, что Инспекция располагает флотом судов, построенных по технологиям, которые Державы держат в секрете даже от собственных Архитекторов. Технологиям, позволяющим пересечь пространство Держав за дни, а не за недели. Технологиям, делающим их обладателей небожителями в мире, где скорость и информация правят всем.

Судно Старшего специалиста запуска. Инспектора.

Шлюз открылся без привычного шипения, без лязга засовов и свиста выравниваемого давления. Только едва слышный шелест — будто сама Бездна выдохнула, выпуская из своих недр посланца. Из открывшегося проема, не касаясь порога, вышел он.

Милдра ожидала увидеть кого угодно. Сутулого чиновника с вечным неврозом, как у Данных. Каменную глыбу с погонами, как у Мрага. Старого, измотанного интригами бюрократа с цепкими, липкими глазами. В крайнем случае — молодого выскочку, раздутого от важности собственной должности, который будет тыкать пальцем в схемы, ничего в них не понимая.

На удивление, это был парень ее возраста. Может, даже моложе. Двадцать пять, от силы двадцать семь циклов. Высокий, подтянутый, в идеально сидящем черном костюме не форменного, а какого-то иного, почти гражданского покроя, который, тем не менее, сидел на нем так, будто был сшит специально для этого момента. Темные волосы коротко и небрежно подстрижены — не военная выправка, но и не та запущенность, которая выдает человека, проводящего дни и ночи за расчетами. Лицо — резкое, с четкими скулами, прямым носом и тонкими губами, сложенными в выражение спокойного, почти скупающего внимания. Но его глаза...

Серые глаза Аррина были того особенного оттенка, который в Ядре называли «стальным». Они мгновенно скользнули по толпе, собравшейся в доке, и Милдра физически ощутила, как этот взгляд прошелся по ней — не задерживаясь, не выделяя, но сканируя, классифицируя, раскладывая по полочкам. Техники — любопытство пополам с опасением. Офицеры — напряжение и скрытая враждебность. Архитекторы — страх. Мраг — расчет. И она — в дальнем углу, с забинтованной рукой, с зелеными глазами, которые смотрели на него с той же холодной оценкой, с какой он смотрел на мир.

В его манере держаться не было ни высокомерия Мрага, который давил массой и авторитетом. Не было подобострастной суеты Данных, который готов был лебезить перед любой властью. Была спокойная, почти отстраненная уверенность человека, который знает, что может позволить себе не доказывать никому своего права стоять здесь. И это, как ни странно, настоятельно Милдру больше, чем любое проявление власти.

Мраг выступил вперед, его каменное лицо пыталось изобразить нечто, отдаленно напоминающее радушие. Уголки губ приподнялись в подобии улыбки, но глаза остались холодными, настороженными.

— Старший специалист, — голос Мрага звучал непривычно мягко, почти вкрадчиво, — добро пожаловать на борт «Форджа». Мы к вашим услугам. Любая информация, любой доступ, любой... — он сделал паузу, подбирая слово, — содействие.

Молодой человек кивнул. Слегка, едва заметно — движением, в котором было ровно столько вежливости, сколько требовал протокол, и ни капли больше.

— Аррин, — представился он просто, без титулов, без должностей, без упоминания рангов и регалий, которые, Милдра не сомневалась, были у него длиннее, чем у большинства присутствующих. Его голос был ровным, тихим, но в наступившей тишине дока его слова были слышны каждому. Не потому, что он говорил громко. Потому что все замерли, боясь пропустить хотя бы звук.

— Прошу прощения за внезапность. — Аррин окинул взглядом собравшихся, и Милдре показалось, что его губы чуть дрогнули — то ли в усмешке, то ли в гримасе усталости. — Продолжайте вашу работу, не обращайтесь на меня внимания. Для начала мне потребуются

все исходные данные по проекту «Гея-7», включая отклонения от базового протокола и... — он сделал паузу, и в этой паузе что-то изменилось, воздух стал плотнее, — частные заметки архитекторов.

Взгляд его, скользя по толпе, на мгновение остановился на Милдре. Не на ее лице, не на ее рыжих волосах, которые всегда выдавали ее в любой толпе. На ее руке. Там, где под рукавом комбинезона угадывался тусклый, болезненный свет стабилизированных трещин. В его глазах не было ни жалости — этого лицемерного, оскорбительного сочувствия, которое так часто приходилось видеть в последние дни. Не было осуждения — этого холодного, отстраненного презрения, с которым сильные мира сего смотрят на тех, кто пострадал от их системы. Только любопытство. Холодное, аналитическое, профессиональное любопытство человека, который привык не верить словам, а смотреть на факты. И который только что заметил факт, не вписывающийся в отчеты.

«Понял, — мысленно резюмировала Милдра, не отводя глаз. — Титул по наследству. Карьерный рост по благу. Приехал, чтобы поставить галочку, насладиться властью и обратиться восвояси. Ума за глазами не видно».

Она чувствовала, как в ее груди закипает знакомая, горькая ярость. Этот щеголь на своем черном корабле, с безупречным костюмом и идеальной прической, сейчас будет вершить судьбы. Он будет листать отчеты, составленные Мрагом, кивать на его догмы и, скорее всего, даже не взглянет на ее расчеты, на ее спасенный мир, на те часы, дни, ночи, которые она провела, вылавливая из уравнений ошибки, заложенные трусостью и консерватизмом. Он поставит галочку. Уедет. А мир останется таким, каким его сделает Мраг. Миром, который рухнет через двести лет. Миром, которого никто не спасет, потому что те, кто мог спасти, были слишком заняты карьерой и протоколами.

Ей захотелось крикнуть. Захотелось выйти вперед, ткнуть пальцем в его безупречный костюм, заставить его посмотреть на ее голограммы, на ее цифры, на доказательства, которые она собирала по крупицам, рискуя карьерой, здоровьем, свободой. Захотелось заставить его увидеть то, что видела она — мир, который может быть совершенным, если хватит смелости не бояться сложности.

Но вместо этого она лишь еще прямее выпрямила спину, расправила плечи, сжала здоровую руку в кулак, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь, и заставила лицо оставаться спокойным, безразличным, выточенным из того же льда, что и взгляд Аррина. Не здесь. Не сейчас. Не в толпе. Не на глазах у Мрага, который только и ждет, чтобы она сорвалась, накричала, устроила сцену, дала ему повод.

Аррин прошел мимо в сопровождении Мрага. Он даже не кивнул ей, не бросил взгляда, не дал никакого знака, что вообще заметил ее существование. Он исчез в коридорах «Форджа», узких, темных, пропахших металлом и потом, и за ним, как хвост, потянулась тяжелая, тревожная тишина. Техники переглядывались, офицеры расходились по своим постам, шепчась на ходу, архитекторы, не глядя друг на друга, разбегались по каютам — готовиться, перепроверять данные, прятать то, что не должно попасть на глаза Инспектору.

Милдра развернулась и пошла. Не в каюту, где ее ждали голограммы, расчеты и тишина. В инженерный отсек, к центральному терминалу — тому самому, где хранились все данные проекта, куда стекалась информация со всех сенсоров «Геи-7», где можно было работать, не отрываясь, часами, в окружении гула машин и запаха горячего металла.

Если этот Аррин хочет «частные заметки», она ему их предоставит. В полном объеме. Она выгрузит все свои симуляции, все риски, все расчеты — все, что у нее было, все, что она сделала за эту неделю вынужденного бездействия, — прямо в открытый доступ проекта. Не через Мрага, не через Данных, не через фильтры и цензуру старших коллег. Прямо в базу данных, к которой Инспектор наверняка получит доступ. Пусть видит. Пусть все видят. Пусть смотрит на цифры, которые не врут. Пусть попробует проигнорировать их, если сможет.

Мысль о том, что Аррин мог быть не просто мальчиком с наследственным титулом, пусть даже самым высоким, не просто чиновником, прокладывающим путь к очередной звезде в послужном списке, а чем-то большим — настоящим специалистом, который действительно умеет читать между строк отчетов, который видит не только цифры, но и людей за ними, который способен отличить правду от лжи, а смелость от безумия, — эта мысль даже не пришла ей в голову. Горечь и опыт, оплаченный кровью и сломанными костями, научили ее не ждать от системы ничего, кроме тупой силы и слепого следования протоколам. Она слишком много раз видела, как талант и правда разбиваются о стену бюрократии, чтобы надеяться на чудо.

Но где-то на задворках сознания, там, где жили сомнения и страхи, которые она никогда не показывала никому, даже Лите, тихо, едва слышно, щемяще ноющей струной прозвучал вопрос: а если он умнее, чем кажется? Если этот взгляд — не взгляд безразличного чиновника, а взгляд человека, который видит больше, чем говорит? Если его спокойствие — не высокомерие, а уверенность человека, который знает, что ему не нужно кричать, чтобы его услышали?

Пока это был лишь вопрос. Не надежда. Надежда была слишком опасной роскошью в ее положении. Просто вопрос, на который у нее пока не было ответа. И Милдра ненавидела вопросы без ответов. Особенно когда ответ мог стоить ей всего — карьеры, свободы, мира, который она уже считала своим.

Она вошла в инженерный отсек, и тяжелая, герметичная дверь закрылась за ее спиной, отсекая шум, толпу, тревожные шепотки. Здесь, среди гудящих реакторов, мигающих огоньков контрольных панелей и запаха озона, она была дома. Здесь она знала, что делать. Здесь цифры слушались ее, а машины — понимали.

Милдра села за центральный терминал, левой рукой вызвала интерфейс, и на голографический экран хлынули потоки данных — сырые, необработанные, честные. Показания гравиметров, спектрограммы мантии, карты распределения темной материи, сотни параметров, которые Мраг называл «шумом» и «погрешностью». Она начала выгружать все это в общий доступ проекта, слой за слоем, файл за файлом, добавляя свои комментарии, свои расчеты, свои предупреждения.

— Хочешь увидеть «частные заметки», Аррин? — прошептала она, не отрываясь от экрана, и в голосе ее не было вызова, только холодная, спокойная решимость. — Получи. Все. От первого до последнего байта.

Экран мигнул, принимая команду, и данные потекли в общую сеть «Форджа». Милдра откинулась в кресле, чувствуя, как дрожит левая рука от напряжения, как пульсирует боль в правой, как где-то глубоко в груди зарождается то самое чувство, которое она боялась назвать надеждой.

А если он умнее? А если он увидит? А если...

Она закрыла глаза, прислонилась затылком к холодной спинке кресла и заставила себя дышать ровно, глубоко, медленно. Не сейчас. Не сейчас. Сначала — работа. А потом — посмотрим. Посмотрим, кто ты, Инспектор Аррин. Посмотрим, что важнее для тебя — протоколы или правда. Галочки в отчетах или мир, который может стать домом для миллионов.

Посмотрим.

Глава 5: Беседа на «Расте»

Люк «Раста» отстыковался от шлюзового переходника «Форджа» с едва слышным шипящим звуком — не резким, механическим лягом, к которому привыкли на старом ковчеге, а мягким, почти органическим выдохом, будто корабль Инспекции выпускал из себя воздух, задержанный на время стыковки. Аррин оставался в кресле еще несколько мгновений после того, как автоматика завершила процедуру расстыковки, наблюдая на внутреннем экране, как темный, гладкий корпус его корабля медленно отдаляется от массивного, иссеченного шра-

мами сварных швов и заплат «Форджа». Контраст был вопиющим: совершенная, текучая, почти живая капля против ржавого, неуклюжего молота, кующего миры. «Фордж» был создан для работы, для тяжелого, грязного, изнурительного труда. «Раст» был создан для иного — для наблюдения, для анализа, для суда.

Аррин откинулся в кресле, провел ладонью по подлокотнику, и интерфейс откликнулся едва заметной вибрацией — сигналом того, что системы корабля перешли в режим повышенной готовности. «Раст» был не просто транспортным средством. Он был продолжением его самого — расширенным сенсорным полем, вычислительным центром, оружием и убежищем одновременно. Здесь, в тишине этого идеального, стерильного пространства, он мог думать. Мог позволить себе ту роскошь, которой не было на «Фордже», — отключиться от внешнего шума, от давящего внимания сотен людей, от необходимости постоянно контролировать каждое слово, каждый жест, каждый взгляд.

— Блу, статус? — спросил он, и голос его, в замкнутом пространстве кабины, прозвучал громче, чем он ожидал.

Ответ пришел не сразу — не потому, что система медлила, а потому, что объем данных, которые предстояло обработать, был огромен. «Фордж» работал на пределе своих возможностей уже несколько месяцев, и каждый день рождал терабайты информации — показания сенсоров, результаты моделирования, отчеты, корректировки, заметки на полях, обрывки переговоров. Искусственный интеллект «Раста», названный Блу в честь давно забытого создателя, переваривал эти данные с той безэмоциональной, пугающей эффективностью, которая отличала машины Инспекции от всех остальных.

— Сканирование на проникновение завершено, — голос Блу был ровным, бесполом, лишенным каких-либо интонаций, но Аррин за годы работы научился улавливать в нем едва заметные оттенки, которые сам для себя называл «настройкой системы». — Загрузка открытых данных: девяносто восемь процентов. Скрытые и удаленные файлы — в процессе реконструкции. Временной ориентир завершения — четыре часа семнадцать минут.

Аррин кивнул, хотя система не нуждалась в визуальном подтверждении. Четыре часа. Значит, к полуночи у него будет полная картина — не только того, что Архитекторы «Форджа» хотели показать Инспекции, но и того, что они пытались скрыть. Удаленные файлы, стертые логи, измененные метаданные — все это было знакомо Аррину до мельчайших деталей. Люди всегда пытались скрыть правду. Не потому, что они были лживы по природе — хотя и это случалось, — а потому, что правда часто была неудобной. Она не вписывалась в отчеты, не укладывалась в протоколы, не соответствовала ожиданиям начальства. И те, кто хотел сохранить карьеру, спокойствие, привычный порядок вещей, предпочитали замалчивать ее, подгонять под шаблон, делать удобной.

Но правда, которую скрывали, имела привычку просачиваться сквозь любые фильтры. В обрывках фраз, в аномалиях статистики, в коэффициентах, которые не сходились, сколько их ни подгоняй.

— Предварительный анализ, — продолжала Блу, и на голографическом экране перед Аррином развернулась первая порция обработанных данных. — Статистические аномалии в отчетах цеха планетарного синтеза. Коэффициент расхождения по шкале Мора-Кайна — 0,87.

Аррин замер. 0,87 по шкале Мора-Кайна — это было не просто «небольшое несоответствие», не случайная ошибка, не погрешность измерений. Коэффициент такого уровня указывал на системное, осознанное расхождение между реальностью и отчетностью. Кто-то на «Фордже» — нет, не кто-то, а целая группа, целое направление работы — вел двойную бухгалтерию. Одна — для начальства, для Держав, для отчетов. Другая — для себя. И эта вторая, скрытая, неофициальная версия была настолько обоснованной, настолько хорошо аргументированной, что алгоритмы Блу, обученные на тысячах инспекций, присвоили ей высокую вероятность истинности.

— Отметь источник аномалии, — сказал Аррин, и в голосе его впервые за этот долгий день проступило что-то живое — не любопытство даже, а то особое, охотничье внимание, которое включалось у него всегда, когда он чувствовал, что нащупал нить. — И подготовку сравнительную визуализацию. Не для отчетов. Для меня.

— Принято, Арри.

Арри. Блу называла его так только в неформальных режимах, когда система переходила из режима официальной работы в режим личного ассистента. Аррин не помнил, когда и почему она начала использовать это сокращение — возможно, после одной из тех долгих, изнурительных инспекций на дальних рубежах, когда между человеком и машиной установилась та странная, полумистическая связь, которая возникает только в полном одиночестве Бездны. Он не запрещал. Может быть, потому, что это было единственное напоминание о том, что он все еще человек, а не функция, не винтик, не идеальный инспектор с черного корабля.

Он поднялся, и легкий костюм из умной ткани мгновенно адаптировался к движению, облекая тело, но не сковывая его, сохраняя ту безупречную, почти парадную форму, которая была его визитной карточкой. Ни пылинки, ни морщинки. Ни следа той усталости, которая копилась в нем за годы скитаний по чужим мирам, по кораблям-ковчегам, по станциям на краю обитаемого пространства. Он был островком стерильного порядка, готовым ступить в шумный, пропахший машинным маслом, синтетической смазкой и человеческим потом хаос.

Он не любил этот хаос. Не потому, что боялся его или презирал. Просто хаос мешал видеть. За ним терялись детали, за ним исчезали нюансы, за ним тонули голоса тех, кто заслуживал быть услышанным. Аррин пришел на «Фордж» не для того, чтобы наслаждаться порядком своей каюты. Он пришел, чтобы увидеть. Услышать. Понять.

Шлюз «Форджа» встретил его гулкой дрожью палубных плит, передававшей ритм работающих где-то в недрах корабля гигантских механизмов. Шипением гидравлики, которая никак не могла успокоиться после стыковки. Волной сперттого, многократно рециркулированного воздуха, в котором смешивались запахи озона, горячего металла, человеческого пота и еще чего-то неуловимого, что Аррин научился называть «запахом жизни». И толпой.

Они стояли — архитекторы, инженеры, подмастерья, техники, грузчики, все, кто смог вырваться от своих постов хотя бы на несколько минут. Уставшие, закопченные, в потрепанных, застиранных комбинезонах, с мешками под глазами и руками, привыкшими к тяжелой, грязной работе. В их глазах читалась не столько радость от прибытия высокой персоны, сколько настороженность и та особая, усталая гордость людей, которые выдерживают неподъемную ношу, зная, что никто этого не оценит. Это была живая, дышащая, пахнувшая и шумящая масса, и Аррин на миг, всего на миг, ощутил себя чуждым элементом, внедряемым в сложный, хрупкий, но невероятно живучий организм.

И тогда он увидел её.

Она не стояла в первых рядах — не рвалась к славе, не пыталась привлечь внимание. Она стояла чуть в стороне, у колонны, прислонившись спиной к холодному металлу, и наблюдала. Огненные волосы, собранные в небрежный пучок, из которого выбивались непослушные рыжие пряди, падавшие на лицо. Лицо — тонкое, с резкими скулами, с тем особенным, аскетичным рисунком, который приходит к людям, слишком много работающим и слишком мало спящим. На скулах и подбородке — пятна засохшей грязи или сажи, не смытой после последней смены. И взгляд. Ярко-зеленый, упрямый, не отведенный в сторону, как у большинства, а встречающий его появление с вызовом, в котором читалась не дерзость новичка, не поза бунтаря, а спокойная, холодная, выстрадавшая готовность к бою. Она излучала — нет, не излучала, скорее источала — тихое, неукротимое свечение, как та далекая звезда, что они только что зажгли на окраине системы.

Её правая рука была прижата к груди в неуставном, согревающем жесте — не по уставу, не по протоколу, а по той древней, животной потребности защищать поврежденное, беречь то, что еще не зажило. Из-под края рукава комбинезона тонкими, паутинными линиями пробивался слабый голубоватый свет, пульсирующий в такт сердцебиению. Наномедики работали на пределе, пытаясь соединить разорванное, стабилизировать сломанное.

«Радиационный шрам? — промелькнуло в голове Аррина, пока он шел по коридору, любезно расступавшемуся перед ним. — Нет, слишком структурно, слишком упорядоченно для ожога. След от импланта? Нестандартного, старого, может быть, военного образца? Или...»

Он не закончил мысль. Старший Архитектор Мраг шагнул вперед, перекрывая ему обзор, и его лицо, обычно высеченное из гранита вечного недовольства, растянулось в официальной, натянутой до предела улыбке, которая не коснулась глаз.

— Старший специалист Аррин, — голос Мрага звучал непривычно мягко, почти вкрадчиво, и это несоответствие между его обычной манерой и тем, что он демонстрировал сейчас, было почти осязаемым. — Добро пожаловать на «Фордж». Для нас большая честь принимать представителя Центральной Инспекции. Ваше прибытие — свидетельство важности...

Аррин кивнул, едва коснувшись протянутой руки — формальность, которую нельзя было нарушить, но в которой можно было не участвовать душой. Его голос прозвучал тихо, но с той странной акустической точностью, которая заставляла слова разноситься по всему пространству, достигая самых дальних углов дока.

— Старший Архитектор Мраг, — сказал он, и каждое слово было выверено, отточено, лишено лишних эмоций. — Благодарю за прием. Ваш труд впечатляет. «Гея-7» — значительное достижение для корабля-ковчега этого класса.

Он видел, как судорожно сжались челюсти у многих в толпе. Слова были правильные — не было в них ни упрека, ни сомнения, ни той убийственной вежливости, которой чиновники Инспекции умели уничтожать карьеры. Но произнесенные этим тихим, ровным голосом, с гладкого черного корабля, который висел в доке, как пришелец из иного мира, они звучали как напоминание. О том, что «значительное достижение» — это не «образцовый проект». О том, что «для корабля этого класса» — это не «для Держав в целом». О том, что Инспекция пришла не аплодировать.

Все, кроме неё. Она лишь сузила глаза, и Аррин почувствовал этот взгляд — не испуганный, не подобострастный, а оценивающий. Она смотрела на него так же, как он смотрел на нее — холодно, внимательно, пытаясь разгадать, кто перед ней: палач или судья, винтик системы или человек.

Мраг, польщенный — или сделавший вид, что польщен, — расправил плечи, и его экзоскелет издал едва слышный гул.

— Спасибо, Старший специалист. Мы следуем планам Держав, выполняем протоколы. Позвольте представить команду, ключевых специалистов...

— Позже, — мягко, но неоспоримо перебил Аррин. Он видел, как дрогнула улыбка Мрага, как побелели костяшки его пальцев, сжатых в кулаки. Но Инспектор уже не смотрел на Старшего Архитектора. Его взгляд снова скользнул по толпе, нашел рыжие волосы, зеленые глаза, светящиеся трещины на руке. — Процедура инспекции предполагает индивидуальные беседы с ключевыми участниками проекта. В формате, исключая внешнее влияние.

Он сделал небольшую, почти театральную паузу, давая толпе осознать смысл сказанного. Исключая внешнее влияние. Это значило: без начальства. Без протоколов. Без свидетелей. Только Инспектор, его вопросы и правда, которую так долго прятали.

— Начнем, — Аррин повернулся всем корпусом, и его голос вдруг стал чуть громче, чуть отчетливее, — с архитектора, ответственного за корректировки плана терраформирования. Архитектор Милдра.

Тишина, повисшая в доке, была густой, почти осязаемой, как вакуум за бортом корабля. Все застыли — техники с открытыми ртами, офицеры, забывшие о субординации, Данных, чьи руки за спиной замерли в судорожном движении. Мраг побледнел так, что его лицо сравнялось цветом с серым экзоскелетом. Его улыбка застыла маской, под которой угадывалось что-то темное, тяжелое, едва сдерживаемое. Лит, стоявшая рядом с Милдрой, издала короткий, сдавленный звук — то ли вздох, то ли всхлип, — и ее лицо исказилось от ужаса. Она схватила Милдру за локоть здоровой руки, пытаясь то ли удержать, то ли защитить, то ли предостеречь.

Милдра же не дрогнула.

Она стояла, все так же прислонившись к колонне, и в ее зеленых глазах, когда она услышала свое имя, вспыхнуло что-то — не страх, не удивление, а то самое чувство, которое она испытывала, когда ее расчеты сходились после сотни неудачных итераций. Облегчение. И готовность. Она медленно, преодолевая боль, опустила правую руку по шву, и светящиеся трещины теперь были видны отчетливо, без прикрытия, — голубоватое, пульсирующее сияние, паутина сломанного, но не сдавшегося импланта.

— Старший специалист, — ее голос был хрипловат от усталости, от недосыпа, от той постоянной, фоновой боли, которая стала ее спутницей за последнюю неделю. Но в этой хриплоте была сталь. Абсолютная, непоколебимая твердость. — Мои расчеты изложены в частных заметках к проекту. Они не являются частью официального отчета, так как были... отклонены старшим архитектором Мрагом по причине... несоответствия стандартным протоколам.

Она не смотрела на Мрага. Она смотрела на Аррина, и в этом взгляде не было просьбы о пощаде, не было надежды на справедливость — только факт. Только правда, произнесенная вслух, перед всеми, впервые за эту долгую, мучительную неделю.

Аррин сделал шаг навстречу. Толпа, замороженная происходящим, инстинктивно расступилась, образовав между ним и Милдрой коридор — узкий, напряженный, как лезвие ножа.

— Я читал отчеты, — сказал Аррин, и его голос вдруг потерял ту официальную, казенную ноту, которая была в нем минуту назад. Он стал тише, проще, почти человечнее. — Теперь я хочу услышать логику. Не утвержденную логику, не ту, что прошла цензуру старшего архитектора. Вашу. Ту, что привела к этим корректировкам. Время — ресурс, которого у нас немного. Пройдем?

Он не указал, куда. Но это было ясно всем, кто стоял в доке. На «Раст». В его стерильную, тихую, идеальную вселенную, где не было свидетелей, где не действовали протоколы «Форджа», где власть принадлежала только Инспектору и правде.

Мраг, наконец, нашел дар речи. Его голос, сорвавшийся на высокие, почти истеричные ноты, прозвучал резко, неуместно в этой напряженной тишине.

— Старший специалист, протокол инспекции предусматривает... все вопросы к членам команды должны согласовываться с... с капитаном и старшим архитектором проекта. Это вопрос субординации, безопасности, наконец, вы не можете просто...

Аррин повернул к нему голову. Медленно. Без резкости. И в его глазах не было ни гнева, ни раздражения, ни того холодного презрения, которого Мраг, вероятно, ожидал. В них была только спокойная, безличная констатация факта. Факта, который Мраг, с его каменным лицом и экзоскелетом, не мог оспорить.

— Старший Архитектор Мраг, — голос Аррина был тихим, но каждый звук падал в тишину, как капля воды в бездонный колодец, — ваша очередь наступит. Система «Блу» завершает анализ ваших управленческих решений за последние три цикла. Мы обсудим их детально. Включая вопросы о травмах, полученных подчиненными при исполнении служебных обязанностей, и о том, почему эти травмы не были отражены в официальных отчетах.

Мраг замолчал. Его лицо, еще минуту назад пылавшее гневом, стало серым, пепельным, и он, кажется, забыл, как дышать. Вокруг него образовалась пустота — те, кто еще минуту назад стояли рядом, невольно отступили, боясь оказаться слишком близко к падающему.

Аррин снова посмотрел на Милдру. Ждал.

Она сделала шаг. Потом второй. Ее походка была немного неуверенной — тело, изможденное болью и недосыпом, плохо слушалось, — но спина оставалась прямой, голова — поднятой. Проходя мимо бледного, как полотно, Мрага, она даже не взглянула на него. Не из высокомерия — из того особого, абсолютного презрения, которое не нуждается в демонстрации. Весь ее вид говорил то, что она не могла сказать вслух, но что читалось в каждом ее движении: «Наконец-то. Наконец-то кто-то спросил».

Когда они остались вдвоем в узком, гулком переходе, ведущем к шлюзу «Раста», Аррин, не оборачиваясь, спросил тихо, так, чтобы только она могла слышать:

— Рука. Это результат несогласия с планом? Или результат несогласия с методами его исполнения?

Милдра на секунду замерла. Она не ожидала этого вопроса — не здесь, не сейчас, не в этом стерильном переходе, где каждый звук отдавался эхом в металле. Она ожидала вопросов о коэффициентах, о расчетах, о протоколах. Обо всем, кроме этого.

— Это результат того, — сказала она медленно, подбирая слова, и голос ее был сух, как пыль на полюсах «Геи-7», — что правда имеет острые грани, старший специалист. Иногда о них спотыкаются. Иногда на них наступают. Иногда их вбивают в кости, чтобы напомнить, кто здесь главный.

Впервые за долгое время Аррин почувствовал, как в уголке его рта дрогнул мускул. Не улыбка — улыбка была бы неуместна, даже кошунственна здесь, в этом коридоре, где воздух еще хранил запах ее боли. Что-то другое. Интерес, отточенный как скальпель. Уважение к человеку, который не сломался, когда ему ломали кости.

— На «Расте» есть наноассистенты, — сказал он, открывая дверь шлюза. — Полный спектр. Они могут снять боль. Или, по крайней мере, изолировать нервные окончания. На время беседы. Чтобы вы могли... сосредоточиться.

— Спасибо, — ответила она сухо, и в этой сухости не было неблагодарности, только та особая, жесткая независимость, которая позволяла ей выживать там, где другие ломались. — Но боль... иногда полезно чувствовать, что ты еще живой. Что ты еще не стал... винтиком.

Он открыл шлюз.

За ним простирался «Раст» — мягкий, приглушенный свет, льющийся неизвестно откуда, тихое, ровное гудение систем, не похожее на шумный, прерывистый ритм «Форджа», и стерильный, почти невесомый воздух, пахнувший озоном и чистотой. Чистотой, которой не было на старом ковчеге, где каждый угол пропах потом, смазкой и человеческой усталостью.

— Добро пожаловать в тишину, архитектор, — сказал Аррин, отступая в сторону и пропуская Милдру вперед — жест, которого она явно не ожидала. — Теперь расскажите мне о вашем мире. Том, который должен был получиться. И о том, почему он может умереть, если его строить по утвержденному плану.

Дверь за ними закрылась, отсекая гул «Форджа», десятки потрясенных взглядов, бледное лицо Мрага и испуганное — Лит. Отсекая весь тот мир, в котором Милдра была непокорным винтиком, которого пытались сломать, поставить на место, заставить молчать.

В мире «Раста» она была другой. Она была тем, кем всегда была — Архитектором, который построил солнце. И который теперь, наконец, получил право говорить.

Диалог начался.

И система, в лице идеального инспектора с черного корабля, впервые за долгое время слушала не отчет. Не протокол. Не официальную версию, согласованную со всеми инстанциями.

Она слушала голос.

Голос, который мог спасти мир. Или разрушить его. В зависимости от того, что будет услышано.

Глава 6. Две логики.

Сознание Милдры работало с холодной, отчаянной ясностью, пока она говорила. Это было то особое состояние, которое она знала по самым критическим моментам своей жизни — когда каждая секунда могла стать последней, когда цена ошибки измерялась не цифрами в отчетах, а жизнями, судьбами, мирами. В стерильной тишине «Раста», в этом идеальном, пустом пространстве, где каждый звук казался чужим и неуместным, перед этим неподвижным, отражающим тусклый свет лицом, она поняла главное. Не осознала — поняла той глубинной, животной частью сознания, которая включается только перед лицом абсолютной опасности.

Старший специалист Аррин — это не человек. Не в том смысле, что он киборг, клон или продукт генной инженерии, каких немало встречалось среди высших чинов Держав. Он был чем-то иным — воплощением чистого принципа. Логике, возведенной в абсолют. Системы, поглотившей человека. Его серые глаза, которые она сначала приняла за инструмент оценки, были не зеркалом души — они были линзами сканера, объективами, фиксирующими данные. В них не было осуждения — потому что осуждение требует эмоциональной оценки, а он не оценивал, он регистрировал. Не было любопытства — любопытство предполагает интерес, а он просто выполнял функцию. Не было гнева или одобрения — были лишь категории: «соответствует», «не соответствует», «требует дополнительного анализа».

Он был совершенным инструментом Держав. Сканером, настроенным на поиск истины в данных, а не правды в сердцах. Истина и правда — для него это были разные вещи. Истина — это цифры, коэффициенты, графики, неоспоримые факты, которые можно проверить, перепроверить и загнать в формулы. Правда — это человеческое, это боль, страх, надежда, гордость, всё то, что делает человека человеком. Для Аррина эти категории были шумом, помехами, искажающими чистый сигнал. Он не презирал их и не отрицал — он просто не умел их считать. Или умел, но считал несущественными.

Милдра смотрела на него и видела не человека, который может спасти ее или погубить. Она видела механизм. И поняла, что единственный язык, который этот механизм понимает, — это язык цифр.

И она дала ему сигнал. Весь.

Она выгрузила в его системы всё, что у нее было. Все свои расчеты — старые и новые, черновые и чистовые, те, что она делала в нормальных условиях, и те, что рождались в бессонные ночи, когда боль в сломанной руке не давала спать, а мозг, измученный усталостью, продолжал работать, генерируя решения там, где стандартные протоколы давали сбой. Все схемы — визуализации краха «Геи-7» по плану Мрага, с их тектоническими разломами, уходящими в мантию, с атмосферными выбросами, отравляющими всё на сотни километров, с океанами, закипающими в разрывах коры. И рядом — устойчивую, живую модель по ее замыслу, где аномалии темной материи становились не проклятием, а ресурсом, где гравитационные возмущения гасили друг друга, создавая неожиданную стабильность, где мир дышал, рос, менялся, но не умирал.

Она говорила без пафоса. Без надрыва. Без той эмоциональной окраски, которая могла бы быть истолкована как «шум». Она говорила на языке, который Аррин мог понять — языке цифр, напряжений, гравитационных постоянных, квантовых вероятностей, спектральных классов и коэффициентов отражения. Она говорила так, как учили в Академии Архитекторов: сухо, четко, аргументированно, каждое утверждение подкрепляя данными, каждое сомнение — расчетом.

Он слушал. Иногда задавал уточняющий вопрос — короткий, точечный, как укол скальпеля. Его искусственный интеллект, названный Блу, проецировал в воздухе голограммы, и они вдвоем, человек и машина, молча изучали их, как хирурги изучают рентгеновский снимок перед сложнейшей операцией. Ни одного лишнего жеста. Ни одного взгляда, брошенного в сторону. Полная, абсолютная концентрация на данных.

В какой-то момент Милдра поймала себя на мысли, что ей это почти нравится. Эта тишина. Эта чистота. Это отсутствие той грязной, вязкой политики, которая отравляла жизнь на «Фордже». Здесь, на «Расте», в этом стерильном пространстве, имели значение только факты. И ее факты были сильнее.

Мраг, приглашенный на вторую половину «беседы» — скорее всего, для очной ставки, для проверки данных, — был похож на раскаленный паровой котел, готовый взорваться от переизбытка давления. Его лицо, обычно бледное, теперь пылало багровым, жилы на шее вздулись, пульсируя в такт бешеному сердцебиению, руки, сжатые в кулаки, дрожали. Он напоминал Милдре те видео с древними извержениями вулканов, которые она смотрела в Академии: внешняя оболочка еще держится, но внутри уже всё плавится, кипит, ищет выход.

Но он молчал.

Молчал, потому что перед ним сидела не взбунтовавшаяся подмастерье, которую можно было раздавить авторитетом, уничтожить взглядом, сломать — в прямом смысле этого слова. Перед ним сидел Старший специалист Центральной Инспекции Держав. Истина в мире Мрага имела вес лишь тогда, когда её санкционировала власть. А власть сейчас молчала и слушала ересь. Его ересь. Его расчеты, его протоколы, его мир, который Милдра разбирала на части, показывая каждую трещину, каждый скрытый дефект, каждую заложенную в него катастрофу.

Его бешенство было страшнее любого крика. Это было глухое, ядовитое варево из страха и ненависти, которое варилось в нем на медленном огне, набирая силу, набирая концентрацию, превращаясь в нечто такое, что не могло не найти выхода. Милдра чувствовала это. Она видела, как его пальцы сжимаются в кулаки, как под экзоскелетом вздуваются мышцы, как он буквально вибрирует от напряжения, пытаясь держать себя в руках. И она знала: как только шлюз «Раста» закроется за Аррином, как только тот унесет с собой свою стерильную логику в глубины космоса, на нее обрушится вся эта невысказанная, накопленная, сконцентрированная ярость.

Мраг не простит ей этого унижения. Не простит, что она посмела вынести их спор на суд высшей инстанции. Не простит, что она оказалась права — и что это стало известно не только команде «Форджа», но и тем, кто находится на самом вершине. Её не просто убьют. Её сделают примером. Так, чтобы даже мысль о несогласии, даже тень сомнения в правоте начальства вызывала у остальных физическую тошноту, холодный пот, парализующий страх. И сломанная рука, та, что сейчас пульсировала тупой, усталой болью, покажется детской шалостью по сравнению с тем, что её ждет.

Она видела это в его глазах, когда он смотрел на неё. Не отводя взгляда. Не мигая. Как удав смотрит на жертву, которая уже обречена, но еще не знает об этом. И Милдра знала: времени осталось мало.

— Сессия завершена, — произнес наконец Аррин, поднимаясь из кресла с той бесшумной, текучей грацией, которая, казалось, была частью его натуры. Его лицо не выражало ровным счетом ничего — ни удовлетворения от проделанной работы, ни усталости от долгого анализа, ни даже того профессионального интереса, который Милдра иногда замечала у других инспекторов. — Данные приняты. Анализ будет проведен в установленные сроки. Старший Архитектор Мраг, вы получите уведомление о результатах на стандартный канал связи.

Он не стал смотреть на Милдру. Не сказал «спасибо», не произнес «вы свободны», не бросил того ободряющего взгляда, который она иногда видела в старых фильмах о героических инспекторах, спасающих правду от бюрократии. Он просто дал команду шлюзу открыться, и тяжелая, идеально сбалансированная дверь разошлась с тем же едва слышным шелестом, с которым встречала его час назад. Его миссия по сбору данных была завершена. Источник информации выполнил свою функцию. Дальнейшее его не касалось.

Милдра вышла в коридор «Форджа» следом за Мрагом, чувствуя, как напряжение, копившееся все это время, начинает медленно, болезненно отпускать мышцы, оставляя после себя тупую, ноющую слабость. Переход из стерильной тишины «Раста» в привычный, шумный, пахнущий металлом и потом мир «Форджа» был похож на переход из операционной в морг. Тот же холод — искусственный, системный, безжизненный. Но без надежды. Гул машин, далекие крики смены, резкие запахи масел и озона — всё это обрушилось на нее, пытаясь вернуть в привычную колею, но не могло пробиться сквозь ледяной панцирь предчувствия, сковавший ее сознание.

Она видела, как Мраг, кинув на неё взгляд — короткий, но вместивший столько ненависти и обещания, что у нее перехватило дыхание, — быстро удалился, окруженный своими верными: Данных, который семенил следом, что-то шепча на ухо, и Лут, которая, напротив, держалась чуть поодаль, и в ее глазах Милдра прочла нечто, чего не ожидала. Не сочувствие. Не страх. А что-то похожее на уважение. Или, может быть, ей только показалось.

Лит подбежала к ней, едва они остались одни в боковом коридоре. Её лицо, обычно спокойное и доброе, было бледным, глаза покраснели, на щеках блестели непросохшие дорожки слез. Она схватила Милдру за локоть здоровой руки, и пальцы ее были холодными, дрожащими.

— Что он сказал? — прошептала Лит, и голос ее дрожал, срывался на высокие, испуганные ноты. — Что будет? Что теперь с тобой сделают?

Милдра посмотрела на неё, на это круглое, испуганное лицо, на эти огромные голубые глаза, в которых отражался страх за неё, и почувствовала, как где-то внутри, в том месте, где она прятала свою усталость и боль, что-то сжалось. Лит была единственной, кто искренне боялся за неё. Единственной, кто не предаст. Но сейчас даже это знание не могло согреть.

— Ничего, — сказала она, и голос ее прозвучал глухо, ровно, почти безжизненно. — Он ничего не сказал. Он просто... обработал информацию. Как компьютер. И выгрузил нас обратно.

— Но... но он же видел твои расчеты! Он понял, что ты права! Он должен был... — Лит запнулась, не зная, чего именно она ждала от инспектора. Защиты? Вмешательства? Чуда?

— Он должен был получить данные, — перебила Милдра, и в голосе ее не было горечи, только усталая, выжженная констатация факта. — Он их получил. Его миссия выполнена. Всё остальное — не его компетенция.

Она пошла к своей каюте, и каждый шаг давался ей с трудом, будто она шла не по стальным плитам «Хребта», а по зыбучим пескам той самой «Геи-7», которую пыталась спасти. Коридоры «Форджа», привычные и родные, казались теперь чужими, враждебными. Каждая тень могла скрывать угрозу, каждый встречный — быть свидетелем или соучастником. Она чувствовала, как каждый нерв напряжен до предела, как тело, измученное болью и стрессом, работает на последнем дыхании, ожидая удара в спину.

Но удара не последовало. Пока.

Система Мрага работала иначе. Мраг был не из тех, кто действует в порыве гнева, срывая злость на жертве в коридоре, при свидетелях. Он был охотником, который знал, что лучший удар — тот, которого жертва не ждет. Тот, который выглядит как несчастный случай, как трагическое стечение обстоятельств, как ошибка самой жертвы. Холодный, расчетливый приговор, вынесенный в тишине кабинета и приведенный в исполнение чужими руками. Так, чтобы

никто не мог доказать, что это было убийство. Так, чтобы даже те, кто знал правду, боялись произнести её вслух.

В своей крошечной каюте Милдра села на койку, обхватив колени здоровой рукой. Вторая, больная, лежала на одеяле, и светящиеся трещины в ней пульсировали в такт сердцу — ровно, монотонно, как маяк, подающий сигнал бедствия. Она смотрела на них, на эту паутину сломанного, но не сдавшегося импланта, и думала. Думала о том, что за час, проведенный на «Расте», она выиграла битву за мир. «Гея-7» будет построена правильно. Её расчеты, её модель, её видение — всё это ляжет в основу нового дома для миллионов людей, которые придут сюда через десятилетия. Может быть, не сразу, может быть, после долгих согласований и проверок, но ляжет. Аррин не был дураком. Он видел цифры. Он понимал, что её модель устойчивее, жизнеспособнее, безопаснее. Он сделает правильный выбор. С точки зрения системы.

Но она, Милдра, эту победу, скорее всего, не переживет.

Адреналин отчаяния, поддерживавший её все эти дни, начал медленно, но неумолимо трансформироваться во что-то другое. В холодную, чистую, почти безличную энергию. В ту самую энергию, которая, возможно, позволила бы ей продержаться еще немного. Найти выход. Пережить Мрага. Она сжала здоровую руку в кулак, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь, и боль эта была хорошей, правильной болью — она напоминала, что она еще жива, что она еще может бороться.

— Хорошо, — прошептала она в тишину каюты, глядя на светящиеся трещины на своей руке, на эту карту нового мира, вписанную в её тело. — Если уж умирать, то с этим. Светящаяся карта в костях. И не одна. Посмотрим, сколько карт я успею нарисовать, пока они будут меня убивать.

В этот момент её личный коммуникатор — примитивный, старый чип, встроенный в стандартный комбинезон «Форджа», — издал тихий, нестандартный звук. Не привычное пиликанье корабельной системы оповещения, не шипение общего канала связи. А мягкий, чистый, какой-то неправильный для этой грубой техники пинг.

Милдра поднесла запястье к глазам. На крошечном, тусклом экране высветился текст. Шрифт был не тот, что в базовых настройках корабля, — четкий, без единого люфта, каждая буква выверена до пикселя. Текст гласил:

«Уровень кортизола и адреналина у субъекта «Милдра» превышает порог устойчивости на 47%. Вероятность деструктивных действий со стороны администрации «Фордж» в отношении субъекта — высокая (коэффициент 0,94 в течение следующих 72 стандартных часов). Рекомендовано состояние повышенной бдительности. Избегать изолированных пространств. Информация направлена Принциалу. — Блу.»

Милдра замерла. Коммуникатор выпал из ослабевших пальцев, повис на тонком кабеле, раскачиваясь, как маятник. Система Аррина. Она следила за ней. Не просто как за источником данных, который нужно опросить и забыть. Она отслеживала её биометрию, её местоположение, её состояние. И почему-то — зачем? с какой целью? — сочла нужным предупредить.

Не его. Его систему, его искусственный интеллект предупреждал её. Милдру.

Это не было сочувствием. Машины не умеют сочувствовать. Это было что-то другое. Фактор риска. Помеха в данных, которую система зафиксировала и сочла нужным устранить, предупредив источник. Или, может быть, расчет того, что сохранение источника информации важнее, чем его потеря. Блу просто оптимизировала процесс. Как и её хозяин.

Но это был шанс. Тонкая, прозрачная, почти невесомая нить, за которую можно было хвататься, чтобы не упасть в пропасть.

Где-то далеко, в стерильной тишине «Раста», Аррин сидел в своем кресле, просматривая финальный отчет, сформированный Блу. Голограммы плыли перед ним, сменяя друг друга:

графики напряжений, спектральные карты, трехмерные модели тектонических плит, бесконечные столбцы цифр. На одном из вложенных экранов, в углу, не мешая основному анализу, отображались биометрические показатели архитектора Милдры. Пульс, давление, уровень гормонов стресса, температура, даже частота дыхания. График сердцебиения показывал ровные, сильные удары — пульс тренированного, закаленного человека. Несмотря на высокий уровень стресса, несмотря на боль, несмотря на угрозу, которая висела над ней, как дамоклов меч, она держалась. Признак отличного самоконтроля. Или глубочайшей, почти иррациональной решимости.

Аррин смотрел на эти цифры и анализировал. Не как человек, переживающий за другого человека, а как диагност, оценивающий состояние ценного биологического объекта. Архитектор Милдра была источником уникальных данных. Её модель «Геи-7» имела коэффициент эффективности на 18,7% выше утвержденной стандартными протоколами. 18,7% — это была не просто статистическая погрешность, не разница во вкусах. Это была разница между миром, который просуществует миллиард лет, и миром, который начнет разваливаться через двести. Разница между успешной колонией и медленной, мучительной катастрофой. Если модель подтвердится при полномасштабном моделировании — а предварительный анализ Блу давал 92% вероятности подтверждения, — это будет означать необходимость пересмотра стандартных протоколов терраформирования для планет с аномалиями темной материи.

— Блу, — произнес он вслух, не отрывая взгляда от мерцающих графиков, — вероятность реализации угрозы со стороны Старшего Архитектора Мрага в отношении источника данных в ближайшее время?

— На основе анализа скрытых переговоров, — голос Блу был ровным, беспристрастным, — зафиксированных в локальной сети «Форджа» за последние два часа, а также паттернов поведения субъекта «Мраг» за последние три цикла: вероятность деструктивных действий в отношении источника «Милдра» составляет 94% в течение следующих 72 стандартных часов. Наиболее вероятные методы: «несчастный случай» в активной зоне планетарного синтеза (зона «Дельта») или принудительная изоляция в медицинском отсеке с последующей психиатрической коррекцией, признанной необратимой.

Аррин несколько минут смотрел на звезды в иллюминаторе. «Гея-7» уже не была видна с этого ракурса — «Раст» успел отойти на безопасную дистанцию, сохраняя лишь сенсорный контакт с «Форджем». Но в его памяти еще стояла картина новорожденного солнца, которое они зажгли. И женщина с рыжими волосами, стоявшая в толпе и смотревшая на это солнце так, будто она сама его родила.

Логика диктовала одно: миссия завершена, данные собраны, протоколы соблюдены. Внутренние разборки на «Фордже», конфликты между архитекторами, угрозы жизни отдельных сотрудников — всё это не входило в его компетенцию, если не угрожало выполнению основной миссии Держав. Гибель одного архитектора, даже талантливого, даже уникального в своем роде, — это статистическая погрешность. В масштабах Держав, в масштабах тысяч проектов, в масштабах бесконечной экспансии человечества в Бездну одна жизнь ничего не значила.

Но.

Архитектор Милдра была источником уникальных данных. Её модель «Геи-7» имела коэффициент эффективности на 18,7% выше утвержденной. Её понимание аномалий темной материи, её подход к использованию гравитационных возмущений как ресурса, а не помехи — всё это требовало проверки, верификации, полномасштабного моделирования. Устранение источника до окончания полного анализа и возможной верификации модели является расточительством ресурсов. Неэтичным? Этические категории здесь были не при чем. Расточительным. Нерациональным. Неоптимальным.

Логика выстраивала новый паттерн.

— Блу, — сказал Аррин, и голос его прозвучал тверже, чем обычно, — оставьте «Раст» на минимальной дистанции от «Форджа» в режиме пассивного наблюдения. Установите постоянный мониторинг биометрии и локализации источника «Милдра» по всем доступным каналам. При фиксации угрозы физическому устранению источника — перехватить приоритетный сигнал тревоги и уведомить меня. Немедленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.